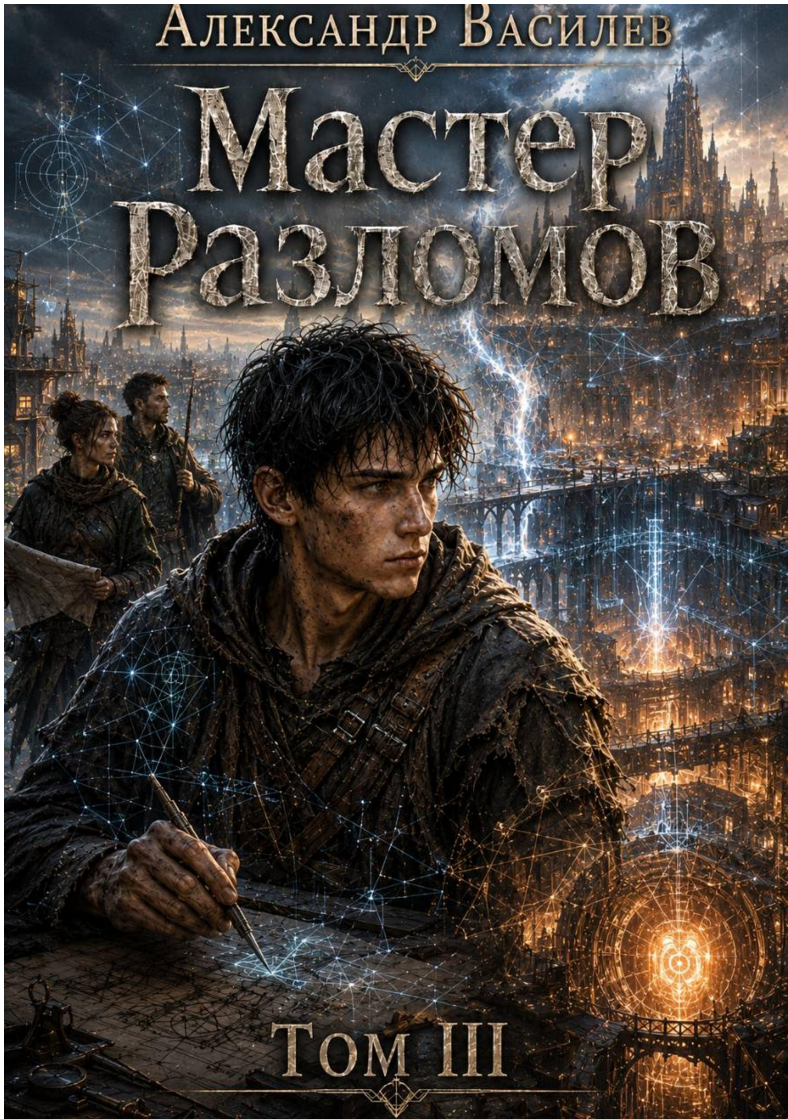

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЕВ

Мастер Разломов

Том III

Александр Василев

Мастер Разломов. Том III

<https://litres.ru/74274262>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где разломы между реальностями открываются без предупреждения, беднякам обычно остаётся только одно — умирать первыми.

Макар Лютов был вором, драчуном и браконьером из беднейшего квартала областного города. Его подстрелили херцогские ловчие в запретной чаще — за попытку добыть мясо для больной матери и младшего брата.

Но в умирающем теле очнулась душа старого инженера из другого мира.

Вместе с ней пробудился дар — Контур. Теперь Макар видит слабые точки конструкций, людей, домов и разломов между мирами. Там, где другие бросаются к ядру с мечом, он видит аварийную систему: нагрузку, опоры, узлы и момент, когда катастрофу можно остановить.

Но бедняку с таким даром трудно остаться незамеченным.

Особенно если он уже закрыл разлом, который не должен был закрыться.

Бригада Макара больше не просто выживала рядом с разломами. Она становилась командой, которую посылают туда, откуда другие не возвращаются.

Содержание

Глава 1. Еремеев знак	6
Глава 2. Контур собственности	29
Глава 3. Двойной ритм	51
Глава 4. Класс С	70
Глава 5. Герцогский приказ	92
Глава 6. Леди Элиана	113
Глава 7. Магия порядка	135
Глава 8. Чистый круг	153
Глава 9. Лиска и леди	181
Конец ознакомительного фрагмента.	194

Александр Василев

Мастер Разломов. Том III

Название: Мастер Разломов Том III

Автор(-ы): Александр Василев

Ссылка: <https://author.today/work/583978>

Глава 1. Еремеев знак

У каждого хозяина есть люди, которые исполняют приказ.

У хорошего хозяина есть люди, которые понимают приказ.

У опасного хозяина есть люди, которые исполняют даже тогда, когда земля уже говорит “нет”.

Еремей долго был человеком Пахома.

А потом увидел пепел.

После слов отца Лаврентия о пробуждённых в городе стало больше тишины.

Не спокойствия.

Именно тишины.

Такой, в которой люди продолжают работать, но каждое движение теперь знают по имени.

Дарен больше не просто слушал.

Он слушал так, будто за каждым звуком мог стоять чужой доклад.

Мишка не просто рисовал.

Он смотрел на линию, прежде чем поставить её, будто спрашивал: “ты правда здесь или тебя хотят здесь видеть?”

Лиска ругалась чаще.

Значит, думала глубже.

Гвоздь ставил подпорки ещё медленнее.

Сенька пытался шутить про “пробуждённых”, но сам же

первым обращивался, если кто-то произносил это слово слишком громко.

А Еремей молчал.

Молчал сильнее обычного.

Он стоял у Пахомовой подпорки, где вчера сняли мокрую заплату, и смотрел на метку.

Не как сторож.

Как человек, который теперь знает: если отвести глаза, виденное не перестанет быть правдой.

Пахом вызвал его к себе ближе к полудню.

Не через Нестера.

Лично.

Это было важно.

Когда Пахом посылал Нестера, он хотел, чтобы человек испугался бумаги. Когда звал сам — хотел, чтобы человек вспомнил, кому обязан.

Контора Пахома находилась в задней части большого склада. Там пахло маслом, кожей, железом, старым зерном и тем особым сухим богатством, которое умеет лежать на полках, пока внизу люди считают щепки для печи.

На стене висели ключи.

Много ключей.

Пахом любил ключи.

Ключ — маленькая вещь, которая говорит большому миру: сюда можно только мне.

За столом сидел сам Пахом.

Нестер стоял сбоку.

Слишком прямо.

Значит, заранее приготовился быть полезным.

Еремей вошёл и остановился у двери.

— Ближе, — сказал Пахом.

Еремей подошёл.

Не поклонился глубоко.

Не дерзил.

Просто подошёл.

Пахом смотрел на него долго.

— Ты чей человек?

— Ваш.

Ответ был спокойный.

Без паузы.

И именно это раздражало Пахома сильнее, чем если бы Еремей замялся.

— Тогда почему мои люди ждут твоего разрешения у моей подпорки?

— Потому что подпорка теперь ждёт не разрешения, а признака.

Нестер фыркнул.

Пахом не фыркнул.

Он умел не тратить презрение на звук.

— Ты стал говорить их словами.

— Я говорю то, что видел.

— Ты видел пепел.

— Да.

— Пепел теперь выше приказа?

Еремей посмотрел на стол.

На ключи.

На книги.

На руку Пахома.

— Нет.

Пахом чуть откинулся.

— Хорошо.

— Пепел перед рукой.

Пахом снова наклонился вперёд.

— Что?

— Приказ идёт к руке. Признак должен стоять перед ней.

Иначе рука сделает то, что потом приказ не удержит.

Нестер резко сказал:

— Пепел — не господин.

Еремей повернул голову.

— Зато не врёт.

— Ты ставишь грязь выше приказа?

— Я ставлю признак перед рукой.

В комнате стало тихо.

Пахом постучал пальцем по столу.

Один раз.

Два.

Не от нервов.

От расчёта.

— Я кормил тебя.

— Да.

— Вытаскивал из долгов.

— Да.

— Дал место.

— Да.

— Люди слушают тебя, потому что знают: за тобой стою я.

— Да.

— Тогда почему ты говоришь с ними так, будто за тобой стоит земля?

Еремей молчал чуть дольше.

Потом ответил:

— Потому что в этот раз стояла она.

Нестер сделал шаг.

— Наглость.

Пахом поднял руку.

Нестер остановился.

— Ты забыл, кто сделал тебя нужным?

— Нет.

— Но теперь решил стать нужным им?

— Нет.

— Тогда кому?

Еремей посмотрел Пахому прямо в глаза.

— Месту.

Это было плохое слово для Пахома.

Место должно было принадлежать.

Не отвечать.

Не требовать.

Не вставать между хозяином и его человеком.

Пахом медленно сказал:

— Место не платит.

— Да.

— Место не защищает тебя.

— Иногда защищает. Если его не бить.

— Это уже их слова.

— Это слова на камне.

Пахом замолчал.

Слова на камне были неприятнее слов людей. Людей можно купить, запугать, выгнать, выставить дураками. Камень труднее.

Он слишком долго молчит, чтобы потом его легко перебить.

— Я не запрещаю тебе наблюдать, — сказал Пахом наконец. — Но мои люди не должны ждать твоего знака на моей земле.

— Тогда они будут ждать беды.

Нестер не выдержал:

— Господин Пахом, этот человек явно под влиянием Лютова и этой Ямы. Его надо снять с подпорки.

Еремей повернулся к нему.

— Поставь другого.

Нестер замолчал.

— Поставь, — повторил Еремей. — Только того, кто видел пепел.

Нестер не ответил.

Потому что таких у него не было.

Пахом понял это тоже.

— Ты слишком много молчал раньше, Еремей, чтобы теперь говорить так часто.

— Раньше не спрашивали.

— А теперь?

— Теперь земля спросила.

Пахом посмотрел на него долго.

Потом сказал:

— Иди. Но запомни: ты мой человек.

— Помню.

— Не их.

— Помню.

— И не земли.

Еремей не ответил.

Это было почти неповиновение.

Почти.

Но не совсем.

Пахом отпустил его движением руки.

Когда Еремей вышел, Нестер сказал:

— Он ненадёжен.

Пахом посмотрел на дверь.

— Нет.

— Господин?

— Он стал слишком надёжен не туда.

Еремей вернулся к подпорке без спешки.

У старого камня стояли двое Пахоминых работников. Они разговаривали тихо и сразу замолчали, увидев его.

Метка была ровной.

Пепел лежал правильно.

Но возле щели уже появилась чужая мысль.

Не рука ещё.

Мысль.

Еремей видел это по тому, как один из работников смотрел на маленький камень у края просвета. Так смотрят на вещь, которую собираются “чуть-чуть поправить”, пока никто не видит.

Еремей подошёл к камню.

Вынул из кармана маленький мешочек с пеплом.

Не гильдейский.

Не освящённый.

Обычный.

От вчерашней проверки.

Потом достал короткий угольный обломок.

Работники молчали.

Еремей присел у подпорки и на плоском камне, чуть выше щели, вывел три слова:

Видел. Не трогать. Е.

Потом провёл рядом три косые черты и поставил точку

пеплом.

Простой знак.

Грубый.

Не красивый.

Не официальный.

Без печати.

Без круга.

Без благословения.

Но люди Пахома поняли сразу.

Один сказал:

— Это Еремеев.

Второй почесал подбородок.

— Значит, лучше не лезть.

Первый посмотрел на Нестерову сторону склада.

— А если Нестер велит?

Второй сплюнул в сторону.

— Тогда пусть сам и лезет.

Еремей поднялся.

— Если кто велит, зовёте меня.

— А если Пахом?

Еремей посмотрел на знак.

— Тогда тоже.

Это было сказано тихо.

Но после таких слов иногда меняется больше, чем после крика.

Лиска увидела знак первой из наших.

Она шла обходом вместе с Сенькой, потому что слухи после главы про пробуждённых начали пухнуть, как мокрая щепка в печи.

Сенька как раз рассказывал, что на рынке уже говорят: — “Лютлов собрал ведьмачью артель”, “Мишка рисует судьбы”, “Гвоздь держит землю ногой”, “Лиска чует страх, потому что сама наполовину страх”. Последнее, признаю, почти комплимент.

— Если повторишь при людях, я сделаю тебя полностью страхом, — сказала Лиска.

— Вот поэтому слухи тебя уважают.

Она остановилась у подпорки.

— Смотри.

Сенька присел.

Прочитал:

— “Видел. Не трогать. Е.”

Потом посмотрел на Еремея, который стоял в стороне.

— Молчун поставил слово.

Лиска кивнула.

— Для него это почти крик.

Еремей ничего не сказал.

Сенька обошёл знак с уважением, которого сам от себя не ожидал.

— Докладываем?

— Да.

— Как?

Лиска подумала.

— Не как нарушение. Как событие.

— Ого.

— Не радуйся. Просто событие полезное.

Они принесли нас к подпорке, а не знак к нам.

Правильно.

Знак на месте сильнее, чем пересказ.

Горн пришёл.

Я пришёл.

Дарен.

Мишка с картой.

Ратников с листом.

Лаврентий тоже пришёл, будто ждал, что такое случится.

Серяков, конечно, появился через несколько минут.

У него талант приходить к чужим следам раньше, чем они высохнут.

Мишка первым присел у знака.

Не трогал.

Только смотрел.

— Можно нанести? — спросил он у Еремея.

Еремей посмотрел на него.

Потом кивнул.

— Наноси.

Мишка поставил на карте возле Пахомовой подпорки маленькую отметку:

Еремеев знак.

Потом ниже:

Видел. Не трогать. Е.

Я смотрел на знак и пытался понять, почему от него стало спокойнее.

Не безопасно.

Спокойнее.

Может, потому что это был не приказ сверху и не просьба снизу.

Это было свидетельство.

А свидетельство иногда держит лучше клина.

— Он всё ещё человек Пахома, — сказал я.

Матрёна, пришедшая с Ямы, ответила:

— Но теперь не вся его рука принадлежит приказу.

Да.

Именно.

Лаврентий подошёл ближе.

— Интересно.

Серяков тут же сказал:

— Самовольная маркировка частной подпорки человеком частного владельца.

Ратников поднял перо.

— Человек, назначенный наблюдателем в аварийной зоне, пометил участок, где уже было самовольное вмешательство.

— Без утверждённой формы.

— Форма была пепел, подпись и здравый смысл. Последний действительно не утверждён канцелярией.

Сенька тихо добавил:

— Поэтому редко используется.

Лиска кашлянула, чтобы скрыть смешок.

Серяков сделал вид, что не услышал.

Лаврентий не спорил.

Он смотрел на Еремея.

— Почему поставили?

— Чтобы не трогали.

— Почему послушают?

— Потому что знают, что я видел.

— Что именно?

— Пепел шёл обратно. Метка темнела. Холод пошёл к кривой печи.

— Вы можете это повторить?

Еремей посмотрел на него тяжело.

— Не надо.

— Я не о действии. О свидетельстве.

— Могу.

— И если Пахом велит снять знак?

Еремей посмотрел на надпись.

— Тогда он велит снять то, что я видел.

Лаврентий записал.

— Свидетельный отклик, — сказал он.

Еремей нахмурился.

— Не надо.

— Почему?

— Я не пробуждённый.

— Возможно.

— Я просто видел.

Лаврентий кивнул.

— У некоторых пробуждение начинается не с силы, а с невозможности снова солгать телом.

Еремей молчал.

Слишком долго.

Потом сказал:

— Пишите как хотите. Знак оставьте.

И отошёл.

Для него это было почти признание.

Для Лаврентия — почти доказательство.

Для Серякова — почти беда.

Проверка знака пришла быстрее, чем ожидали.

Один из молодых работников Пахома, тот самый, который вчера говорил про склад, решил передвинуть маленький камень у края подпорки. Не со зла. Не тайно даже. Скорее по старой привычке: увидел неровность — поправь, пока хозяин не заметил.

Он наклонился.

Другой работник схватил его за рукав.

— Там Еремеево.

— Я только камень.

— Там написано не трогать.

— Это же не печать.

— Зато Еремей видел.

Молодой замер.

Рука осталась в воздухе.

И в этот момент контрольная метка у щели чуть побелела по нижнему краю.

Дарен увидел первым.

— Стоп руки.

Работник отдёрнул пальцы.

Гвоздь шагнул ближе, но не тронул подпорку.

Дарен поставил пепел.

Линия дрогнула.

Потом успокоилась.

— Мелкое смещение тяги от движения рядом, — сказал Дарен. — Без касания камня. Метка вернулась.

Горн посмотрел на знак.

— То есть знак остановил руку раньше метки.

Дарен кивнул.

— Да. Знак сработал раньше метки.

Мишка сразу нанес это на карту.

Знак сработал раньше метки.

Ратников прочитал и сказал:

— Оставить.

Серяков попытался:

— Это можно трактовать как психологическое воздействие на работников частного владельца.

Матрёна посмотрела на него.

— Если психологическое воздействие не даёт дураку трогать щель, зовите его как хотите.

Нюра, которая каким-то образом снова оказалась рядом, добавила:

— Лучше страшное слово, чем мокрая глина.

К полудню пришёл Пахом.

Не с Нестером.

Сам.

Нестер, правда, маячил сзади, но на этот раз не говорил первым.

Пахом подошёл к подпорке.

Прочитал знак.

Лицо его осталось спокойным.

Плохой знак.

Пахом с настоящим гневом был проще. Пахом спокойный уже считал.

— Ты ставишь своё имя на моей земле? — спросил он.

Еремей стоял рядом.

— На месте, где я видел обратную тягу.

— Это всё ещё моя земля.

— Тогда пусть она не врёт вам.

Пахом медленно повернулся к нему.

— Ты выбираешь слова всё хуже.

— Зато точнее.

Нестер не выдержал:

— Господин Пахом, это явное превышение полномочий.

Пахом не ответил ему.

Он смотрел только на Еремея.

— Снять.

Тишина стала такой, что даже пепел будто перестал двигаться.

Еремей не сделал шага.

— Нет.

Одно слово.

Тихое.

Невысокое.

Но оно стало поперёк всей подпорки.

Пахом почти улыбнулся.

— Нет?

— Снимать можно после общей проверки. При вас. При Горне. При метках. Не рукой из приказа.

— Ты забыл, кому служишь.

— Нет.

— Человек должен знать, кому служит.

Я сказал:

— Сегодня он знает ещё и чему верить.

Пахом повернулся ко мне.

— Ты забираешь моих людей.

— Нет. Земля забирает у вас право делать вид, что они ничего не видели.

— Ты слишком много говоришь о моей земле.

— Она слишком много говорит с нашей Ямой.

Матрёна встала рядом.

— Ваши стены опять стоят возле нашего пола, Пахом.

— И?

— И пока это так, ваши люди будут видеть не только вас.

Пахом посмотрел на неё долго.

— Вы все решили, что карта меняет право.

Ратников тихо сказал:

— Нет. Карта показывает, где право меняет тягу.

Пахом посмотрел на Ратникова.

— Я не с тобой говорю, писарь.

— А жаль. Я записываю точнее, чем вы угрожаете.

Сенька почти задохнулся.

Лиска наступила ему на ногу заранее.

Пахом снова посмотрел на знак.

Он мог приказать снять его силой.

Но его люди смотрели.

И уже знали: знак остановил руку раньше метки.

Если он снимет знак сейчас, он будет спорить не с Макаром.

Не с Горном.

Не с Ямой.

С тем, что его собственные люди видели.

Это гораздо хуже.

Пахом сказал:

— Временно.

Горн ответил:

— До следующей общей проверки.

— Я не просил твоих условий.

— Но ваша подпорка их получила.

Еремей добавил:

— Я останусь.

Пахом посмотрел на него.

— Останешься.

Это прозвучало как наказание.

Но стало подтверждением.

Знак остался.

Когда Пахом ушёл, Нестер задержался на секунду у подпорки.

Посмотрел на слова.

Видел. Не трогать. Е.

И впервые, кажется, понял, что маленький знак может мешать больше большого приказа.

Сенька проводил его взглядом.

— Нестер теперь будет ненавидеть пепел.

Лиска сказала:

— Пусть. Пеплу всё равно.

Отец Лаврентий позже попросил Еремея повторить свой знак на отдельном листе для доклада.

Еремей отказался.

— Знак там.

— Для документа нужна копия.

— Пусть Мишка рисует место.

— А ваш знак?

— Знак без места — просто слова.

Лаврентий задумался.

Потом кивнул.

— Верно.

Мишка услышал и посмотрел на Еремея с уважением.

— Я нарисую место.

— Рисуи.

— И знак?

— Если рядом.

— Рядом.

Так Еремеев знак вошёл в карту не как отдельная печать, а как часть места.

Это было правильно.

Потому что он работал только там, где Еремей видел пепел.

К вечеру у Пахомовой подпорки появился новый порядок.

Не официальный.

Но рабочий.

Еремей стоял у метки.

Два работника знали: без него не трогать.

Гильдейская контрольная метка была рядом.

Пепел лежал в сухой чашке.

Мишкина карта показывала знак.

Ратников внёс запись:

“На участке Пахомовой подпорки установлен сви-

детельный знак наблюдателя Еремея: ‘Видел. Не трогать. Е.’ Знак не является печатью запрета, но выполняет функцию предупреждения и предотвращения самовольного вмешательства. Проверкой подтверждено: знак остановил действие до изменения метки.”

Серяков, разумеется, написал что-то другое.

Но теперь у нас была не только карта.

Было место.

Был пепел.

Были свидетели.

И была рука, которая не коснулась камня.

Поздно вечером Еремей пришёл к дому сам.

Не в бараку.

К дому.

Постучал один раз.

Я вышел.

Он стоял у порога.

— Пахом думает, что ты меня забираешь.

— А ты?

— Я думаю, что он злится не на тебя.

— На кого?

Еремей посмотрел вниз, в сторону Ямы.

— На пепел.

Я почти улыбнулся.

— С ним трудно спорить.

— Да.

Он помолчал.

— Я его человек.

— Знаю.

— И останусь.

— Знаю.

— Но если он велит трогать там, где я видел, я скажу нет.

— Это будет стоять.

— Уже стоит.

Мы молчали.

Потом он добавил:

— Я не пробуждённый.

— Может быть.

— Не хочу им быть.

— Никто из нас толком не хотел.

Он кивнул.

— Тогда я просто буду стоять.

— Иногда это и есть редкая способность.

Еремей ушёл.

Я вернулся к карте.

Мишка ещё не спал.

Конечно.

Он добавил у Пахомовой подпорки маленькую букву:

Е.

Потом три косые черты.

Потом точку пеплом — настоящим, приклеенным к карте каплей смолы.

— Зачем настоящий пепел? — спросил я.

— Чтобы помнить, что он не придумал.

Хорошо.

Очень хорошо.

На карте теперь были не только ходы, метки и удары.

Были свидетельства.

Места, где человек увидел — и больше не смог вернуться к слепому приказу.

Еремеев знак был маленький.

Пепел, три слова и одна буква.

Но иногда этого достаточно, чтобы приказ остановился на полшага от ошибки.

Еремей всё ещё служил Пахому.

Но теперь между приказом и рукой у него стояло то, что он видел.

А это уже был не приказ.

Это был предел.

Глава 2. Контур собственности

Умный хозяин редко спорит с картой долго.

Сначала он говорит: “Этого нет”.

Потом: “Это не моё”.

Потом: “Это моё, и вы не имеете права”.

А когда понимает, что карта всё равно остаётся, он делает самое опасное:

просит место внутри неё.

Утро после Еремеева знака было почти спокойным.

Именно поэтому я ему не доверял.

Метка у Пахомовой подпорки держалась ровно. Пепел лежал правильно. Еремей стоял на месте, как поставленный не человеком, а выводом. Пахомовы работники не трогали щель. Нестер не показывался. Яма не давала новых холодных признаков. Кривая печь молчала правильным молчанием.

Хорошее утро.

Слишком хорошее для города, где каждый просвет, каждая подпорка и каждый владелец земли уже успели доказать: если ничего не происходит, значит, кто-то думает.

Сенька пришёл с рынка и сразу сказал:

— Пахом молчит.

Лиска, которая шла за ним, добавила:

— Плохо молчит.

— Бывает хорошо? — спросил Дарен.

— Когда человек спит.

— Пахом не спит, — сказал Сенька. — Он считает.

Матрёна стояла у карты и смотрела на Пахомову зону.

— Хороший знак не отменяет хозяина, — сказала она. —

Он только заставляет его думать дольше.

Я кивнул.

Вот именно.

Еремеев знак остановил руку.

Но не остановил ум Пахома.

А ум Пахома был опаснее руки Нестера.

Письмо пришло до полудня.

Не с угрозой.

Не с печатью запрета.

С предложением.

Это сразу сделало его хуже.

Ратников развернул лист и прочитал вслух.

Пахом Григорьич, владелец складов и прилегающей земли, “в целях содействия общему делу стабилизации” предлагал:

предоставить сухое помещение для хранения инструментов;

выделить доски, клинья, верёвки и сухую глину;

направить двух работников на дежурства у складской границы;

обеспечить доступ к Пахомовой подпорке;

участвовать в обсуждении любых работ, затрагивающих

Дальний ход и прилегающие к складам участки.

Сенька присвистнул.

— Вот это да. Пахом стал добрым. Предлагаю немедленно искать, где закопан нож.

Ратников положил письмо на стол.

— Это не помощь. Это вход.

— Через парадную дверь? — спросил Сенька.

— Через складскую. Там проще спрятать долг.

Горн перечитал письмо.

Медленно.

Потом сказал то, что никому не хотелось слышать:

— Мы не можем просто отказать.

Матрёна повернулась к нему.

— Можем.

— Технически — нет. У него есть сухие доски, клинья, верёвки, помещение рядом с зоной. Доступ к подпорке. Люди на месте. Плохой человек может владеть хорошей доской.

— И потом считать, что доска держит нас, а не подпорку, — сказал я.

Горн кивнул.

— Поэтому нужно принять не доску, а порядок её использования.

Матрёна скрестила руки.

— Если Пахом даёт доску, он потом спросит, кто на ней стоит.

— Спросит, — сказал Ратников. — Поэтому надо заранее

написать, что доска не даёт права командовать человеком, который на ней стоит.

Сенька сел на лавку.

— Ратников, вы умеете сделать даже подозрение скучным. Это почти талант.

— Это защита.

— Я начинаю понимать, почему скучные люди иногда выживают.

Отец Лаврентий молчал до этого момента.

Он стоял у карты и смотрел не на письмо, а на границы Пахомовой земли.

— Это уже не спор о подпорке, — сказал он. — Это контур собственности.

Мишка поднял голову.

— Какой контур?

Лаврентий провёл пальцем по карте, не касаясь бумаги.

— Собственность, включённая в аварийный контур, не исчезает. Но и не может оставаться вне общего расчёта.

— То есть земля всё ещё его? — спросил Мишка.

— Да.

— Но дыхание под ней уже не только его?

— Именно.

Мишка взял уголь.

— Тогда нужна новая карта.

— Ещё одна? — простонал Сенька. — Мы скоро сможем построить второй город из карт.

— Лучше из карт, чем из слухов, — сказала Лиска.

Мишка начал рисовать.

С одной стороны — складская граница Пахома.

Прямые линии.

Забор.

Склад.

Подпорка.

С другой — Дальний ход, старая щель, Пахомова метка, линия обратной тяги к кривой печи.

Потом он сделал то, что сразу всем стало неприятно.

Он наложил одно на другое.

Прямая граница собственности пересеклась с кривой линией аварийного дыхания.

И стало видно: проблема была не в том, где стоит забор.

Проблема была в том, что холод проходил под ним, не спрашивая, кто платил за землю.

— Здесь его земля, — сказал Мишка. — А здесь земля уже не слушается его отдельно.

Сенька посмотрел на карту.

— У ребёнка появилась новая способность — разорвать владельцев линиями.

Ратников уже писал заголовок:

Порядок участия частного владельца в аварийном контуре.

— Сухо, — сказала Матрёна.

— Зато полезно.

— Что ешь?

Ратников зачитал:

— Первое. Ресурсы частного владельца могут быть приняты как материальная помощь или временный заём без предоставления технического права решения. Второе. Люди владельца допускаются к дежурствам только в общем порядке и под общими правилами. Третье. Доступ к картам — только к участку, влияющему на его зону. Четвёртое. Самовольные действия запрещены. Пятое. Еремей остаётся наблюдателем у Пахомовой подпорки. Шестое. Владелец не вправе останавливать, изменять или навязывать работы через право собственности. Седьмое. Любая частная намета, влияющая на тягу, считается общим аварийным фактором.

Сенька поднял руку.

— Перевожу: Пахому дали дверь, но без ключа.

Ратников подумал.

— Скорее окно. И поставили Гвоздя рядом.

Гвоздь, стоявший у стены, посмотрел на него.

— Почему меня?

— Потому что рядом с тобой окна становятся дисциплинированное.

Гвоздь принял это как рабочее указание и кивнул.

Пахом пришёл сам.

Разумеется.

Нестер был с ним, но держался чуть позади. Это было тоже частью нового порядка. Когда Пахом хотел угрожать,

Нестер шёл впереди. Когда Пахом хотел торговаться, Нестер становился тенью.

Сам Пахом был спокоен.

Даже почти вежлив.

Значит, опасен.

Он вошёл в нижнюю бараку, посмотрел на карту, на Ратникова, на Горна, на меня, на Матрёну, на Мишку, который не убрал уголь, и на Лаврентия.

— Я понял вашу логику, — сказал он. — Если моя земля стала частью общего дыхания, значит, я не могу быть исключён из решения.

— Вы не исключены из ответственности, — сказал я. — Это не то же самое, что право решать.

Пахом слегка улыбнулся.

— Лютов, вы всё ещё говорите так, будто ответственность без права — это справедливо.

— В аварии часто так и бывает. Человек стоит у продуха и отвечает первым, хотя права у него меньше всех.

Матрёна сказала:

— Вот это можете записать.

Ратников записал.

Пахом не посмотрел на неё.

Это тоже заметили все.

— Я предлагаю помощь, — продолжил он. — Сухое помещение у восточного склада. Дерево. Верёвки. Рабочих. Доступ к границе. И часть расходов я беру на себя.

Сенька тихо сказал:

— Часть расходов пошла по комнате и ищет, за кого зацепиться.

Лиска толкнула его локтем.

Пахом продолжил:

— Взамен мой представитель должен присутствовать при расчётах, касающихся Дальнего хода.

Вот оно.

Помощь сбросила плащ.

Под ним стоял контроль.

Горн спросил:

— Кто представитель?

Пахом чуть повернул голову.

— Нестер.

Лиска сразу сказала:

— Нет.

Пахом посмотрел на неё впервые.

— Вы принимаете решения?

— Нет. Я узнаю запах мокрой глины до того, как её принесут.

Нестер покраснел.

— Это оскорбление.

— Это предупреждение.

Сенька добавил:

— Нестер возле карты — это как мокрая глина возле прохода. Вроде лежит, а потом все мёрзнут.

— И пахнет хуже, — сказала Лиска.

Ратников поднял руку, пока разговор не стал совсем честным.

— Нестер может присутствовать при передаче хозяйственных ресурсов. При расчётах — нет.

Пахом сузил глаза.

— Почему?

— Потому что расчёт не складская книга. Его нельзя вести через долг.

— Вы считаете моего управляющего непригодным?

— Для расчётов — да.

Нестер шагнул вперёд.

— На каком основании?

Ратников посмотрел на него.

— На основании мокрой глины, распространения ложного слуха через вашего человека, попытки представить заплату как укрепление и общего ощущения, что если поставить вас рядом с картой, вы начнёте искать, кому она должна.

Сенька закрыл рот рукой.

Не помогло.

Пахом медленно сказал:

— Очень смело для писаря.

Ратников поклонился.

— Я не смелый. Я просто заранее устал от вашей будущей лжи.

Лаврентий вмешался прежде, чем Пахом решил сделать

разговор личным.

— Еремей уже стоит у места.

Пахом посмотрел на него.

— Еремей — наблюдатель у подпорки.

— Именно. Место, где ваша собственность пересекается с аварийным контуром. Если нужен представитель, который видит и не искажает, он уже есть.

Пахом не понравилось.

Ему нужен был не представитель.

Ему нужен был рычаг.

Еремей, стоявший у двери, сказал сам:

— Я могу стоять у места. В расчёты мне не надо.

Пахом повернулся к нему.

— А если мне надо?

Еремей ответил:

— Тогда вам нужен не я. Вам нужен тот, кто не видел.

Нестер тихо выругался.

Пахом не выругался.

Но стало видно, что фраза попала туда, где у него начиналась злость.

— Ты всё чаще забываешь, кому служишь.

— Нет, — сказал Еремей.

— Но?

— Я всё чаще помню, что видел.

Матрёна сказала тихо:

— Это хуже для хозяев. Лучше для людей.

Пахом услышал.

Сделал вид, что нет.

Мишка в это время закончил карту контура собственно-сти.

Он не ждал разрешения.

Просто положил её на стол.

Пахом посмотрел.

На ней его земля была показана прямыми линиями. Аккуратно. Даже уважительно. Но под ней шли линии Дальнего хода, аварийной тяги, подпорки и связи с Ямой.

— Карта не решает право, — сказал Пахом.

Мишка поднял глаза.

— Нет. Она показывает, где право начинает мешать дыханию.

В комнате стало слишком тихо.

Даже Сенька не сразу нашёл воздух для шутки.

Пахом посмотрел на Мишку так, будто впервые понял: мальчик опасен не потому, что дерзит, а потому что рисует так, что чужая власть перестаёт быть невидимой.

— Ты учишься у Лютова? — спросил он.

Мишка подумал.

— У места.

— Опять место, — сказал Пахом.

— Оно упрямое, — сказала Матрёна.

Горн поставил на стол свой палец рядом с Пахомовой границей.

— Условия. Ваши материалы принимаются только по списку. Без скрытого долга. Ваши люди — только под общим дежурным порядком. Нестер — хозяйственная передача, не расчёт. Еремей — наблюдатель. Карта вашей зоны — копия, без доступа к полному рабочему расчёту. Любые действия у подпорки — только после слуховой проверки. Яма сохраняет право признака при обратной тяге.

— Яма? — Пахом почти усмехнулся. — Мои склады и ваша Яма.

Матрёна шагнула вперёд.

— Если ваш склад снова дунет нам в пол, Яма будет говорить первой.

— Вы всё ещё не доверяете мне.

— Мы доверяем полу. Он быстрее вас.

Нюра Глухая, сидевшая у печи, добавила:

— И честнее.

Пахом посмотрел на неё.

— В этом доме слишком много людей говорит без приглашения.

Нюра даже не подняла головы.

— У нас пол общий. Приглашение снизу.

Сенька прошептал:

— Я хочу дожить до старости, чтобы говорить как Нюра.

Лиска сказала:

— Сначала доживи до вечера.

Лаврентий тем временем смотрел на Пахома уже не как

духовный наблюдатель, а как человек, который видит следующую игру.

— Есть ещё одно, — сказал он.

Пахом повернулся.

— Что?

— Если класс разлома будет повышен до С, частная собственность внутри аварийного контура может быть временно подчинена общему режиму.

Тишина изменилась.

До этого мы говорили о досках, знаках, доступе, Нестере, картах.

Теперь речь пошла о власти.

Настоящей.

Пахом очень медленно сказал:

— Класс не повышен.

— Пока нет.

— Оснований недостаточно.

Лаврентий не ответил сразу.

— Основания накапливаются.

Пахом посмотрел на меня.

Потом на карту.

Потом на список пробуждённых, который лежал у Ратникова.

Он понял.

Если разлом станет классом С, его земля уже не просто “его земля”. Она часть зоны. Его склады — ресурс и риск.

Его люди — участники или помеха. Его право — не исчезнет, но потеряет одиночество.

А Пахом был человеком, который не любил терять одиночное право на что-либо.

Серяков, стоявший у стены, тоже понял.

И сразу начал писать.

Ратников заметил.

— Могу сэкономить вам чернила: мы не расширяем контур. Мы перестаём притворяться, что он уже не расширился сам.

Серяков поднял глаза.

— Вы фактически создаёте режим управления частной зоной.

— Нет. Мы фиксируем, что частная зона влияет на аварийную тягу.

— Это будет спорно.

— Всё правдивое с Пахомом спорно, — сказал Сенька.

Пахом посмотрел на него.

— Рыжий, ты слишком часто забываешь, что тебя никто не спрашивает.

— Я распространитель и гаситель слуховых воздействий, — с гордостью сказал Сенька. — Меня теперь вообще редко спрашивают, но часто терпят.

— Ненадолго, — сказала Лиска.

— Зависть.

Пахом вернулся к документу.

— Я не приму формулировку, где мои материалы не дают мне права присутствовать.

Горн ответил:

— Тогда мы не примем материалы.

— Вы нуждаетесь в них.

— Да.

— Тогда вы торгуетесь с плохой позиции.

Я сказал:

— Нет. Мы работали без ваших досок. Будет хуже, медленнее, опаснее. Но мы уже знаем, как опасен долг, который называют помощью.

Пахом улыбнулся.

— Вы гордый человек, Лютов.

— Нет. Просто я видел, как мокрая глина выглядит до того, как становится бедой.

Еремей чуть повернул голову.

Это была его фраза без слов.

Пахом заметил.

И понял, что сегодня не возьмёт расчёт Нестером.

Не сейчас.

Не после Еремеева знака.

Не при Лаврентии.

Не при Горне.

Не при Матрёне.

И не перед картой Мишки, где его собственность уже была пересечена тем, что не знало его имени.

Пахом умел отступать так, чтобы потом сказать, что это был обход.

— Временно, — сказал он.

— Всё в аварии временно, — ответил Горн. — Пока не станет постоянной ошибкой.

— Материалы будут переданы по списку. Нестер оформит.

Ратников сказал:

— В присутствии Гвоздя.

Гвоздь поднял голову.

Пахом посмотрел на него.

— Он умеет считать доски?

Гвоздь ответил:

— Нет. Но вижу, если подсовывают сырую.

Сенька тихо сказал:

— Гвоздь — страшный человек. Он даже складскую ложь руками слышит.

Пахом сдержался.

— Еремей остаётся у подпорки, — сказал он. — Но докладывает мне.

Еремей ответил:

— И тяге.

Пахом сжал челюсть.

— И мне.

— Да.

Лаврентий подвёл итог:

— Значит: материалы — по описи; люди — в общий порядок; расчёт — без Нестера; карта участка — копия; Еремей — наблюдатель; самовольные действия запрещены; Яма сохраняет право признака.

Матрёна сказала:

— Последнее крупно.

Ратников записал крупнее.

Пахом увидел.

Не возразил.

Это был не мир.

Мир требует доверия.

Это был рабочий узел между недоверием и необходимостью.

Иногда в аварии этого достаточно.

Пахом забрал копию карты своего участка.

Не полную карту.

Только свою зону.

Мишка сам её перерисовал.

Пахом смотрел, как он рисует.

— Не слишком ли много линий для моей земли?

Мишка не поднял головы.

— Линии не мои.

— А чьи?

— Те, которые уже там.

Пахом больше не спрашивал.

Перед уходом он остановился у двери.

— Если мои ресурсы помогут удержать город, это будет учтено.

Ратников сказал:

— Будет.

— И если мои склады пострадают из-за ваших действий?

Горн ответил:

— Будет зафиксировано.

— Зафиксировано — не возмещено.

— Вы сейчас говорите как владелец, — сказал Лаврентий.

— А зона говорит как разлом. Постарайтесь не перепутать столы.

Пахом посмотрел на него.

— Вы слишком много позволяете этой группе.

— Возможно, — сказал Лаврентий. — Но пока она позволяет городу стоять.

Пахом ушёл.

Не побеждённый.

Не сломленный.

Не переубеждённый.

Включённый.

А это было опаснее победы.

Побеждённый враг ищет реванш.

Включённый — ищет место, откуда сможет управлять изнутри.

Когда дверь закрылась, Сенька сказал:

— Пахом вошёл в карту и уже ищет, где в ней кладовая.

Лиска кивнула.

— И где ключ.

Гвоздь посмотрел на список материалов.

— Сначала проверим доски.

— Очень романтично, — сказал Сенька.

— Сырые не возьмём.

— Я говорил: романтика умерла.

Матрёна подошла к карте контура собственности.

Долго смотрела на место, где линия Пахома пересекалась с линией Дальнего хода.

— Теперь он внутри?

— Частично, — сказал я.

— А выйти сможет?

— Попытается.

— Тогда рисуйте так, чтобы люди видели дверь.

Мишка уже рисовал.

— Какую?

— Ту, через которую он будет тащить долг.

Мишка задумался.

Потом нарисовал маленький складской замок рядом со списком ресурсов.

И подписал:

Помощь ≠ право.

Ратников прочитал.

— Оставить.

Сенька сказал:

— Можно ещё: “доска не командует”.

— Позже, — сказал Мишка.

К вечеру материалы Пахома начали переносить в общий склад.

Гвоздь проверял доски.

Две отложил.

— Сырые.

Пахомов работник возмутился:

— Они нормальные.

Гвоздь положил ладонь на доску.

— Сырая.

— С виду сухая.

— С виду Нестер тоже полезный.

Работник не нашёл ответа.

Сенька почти заплакал от счастья.

Еремей стоял у подпорки.

С новым порядком.

Старой молчаливостью.

И своей неудобной правдой.

Нестер оформлял опись под взглядом Ратникова. Это было отдельное маленькое наказание для обоих, но Ратников хотя бы умел страдать сухо.

Отец Лаврентий поздно вечером написал в доклад:

“Частная собственность Пахома Григорьича временно включена в аварийный контур не как право управления, а как зона влияния на тягу и источник ре-

сурсов под общим контролем.”

Серяков попросил добавить:

“По спорному решению рабочей группы.”

Лаврентий добавил:

“При подтверждённом фактическом влиянии участка на аварийные признаки.”

Серяков опять остался недоволен.

Хороший признак.

Ночью я смотрел на новую карту.

Контур собственности.

Прямые линии Пахома.

Кривые линии Дальнего хода.

Метки Ямы.

Подпорка.

Еремеев знак.

Список ресурсов.

И маленькая подпись Мишки:

Помощь ≠ право.

— Ты понимаешь, что это политическая карта? — спросил я.

Мишка пожал плечом.

— Это аварийная карта.

— Иногда это одно и то же.

Он подумал.

— Тогда пусть боятся аккуратно.

Я устало улыбнулся.

За окном Яма дежурила.
Пахомовы склады молчали.
Но уже не отдельно.
В этом была суть.
Пахом пришёл вернуть себе границу.
Ушёл — с местом внутри общего контура.
Это не было поражением.
И не было победой.
Просто собственность впервые получила метку:
здесь моё заканчивается не забором,
а дыханием того, что под ним.

Глава 3. Двойной ритм

Один ритм — это дыхание.

Два ритма — уже разговор.

А если второй отвечает не тогда, когда должен, значит, под землёй есть кто-то или что-то, что не просто принимает давление.

Оно слушает паузы.

После Пахомова контура город впервые за несколько дней выглядел так, будто умеет стоять.

Не спокойно.

Нет.

Рудогорск вообще не был создан для спокойствия. Он скорее умел делать вид, что старые трещины — это украшение, сырость — традиция, а бедность Нижних — особенность местного воздуха.

Но утром всё держалось.

Пахомова подпорка стояла в общем контуре.

Еремеев знак был на месте:

Видел. Не трогать. Е.

Пепел у щели шёл правильно.

Материалы Пахома лежали в общем складе, пересчитанные, простучанные, просушенные и оскорблённые вниманием Гвоздя.

Яма не давала новых холодных признаков.

Кривая печь молчала.

Слепой резервуар держал ритм.

Дальний ход отвечал слабо, но без ухудшения.

Три стабильных цикла.

В другом городе это называли бы хорошим утром.

У нас Горн сказал:

— Три стабильных цикла — это не безопасность. Это разрешение продолжать слушать.

Правильно сказал.

Безопасность — слово для тех, кто стоит далеко от про-
света.

Мы стояли слишком близко.

Дарен был у слуховой линии с самого рассвета.

Он уже не слушал как ученик.

И ещё не слушал как мастер.

Он слушал как человек, который понял: между учеником
и мастером есть ужасное место, где ты уже слышишь больше,
но ещё не имеешь права ошибиться.

Ладов записывал рядом.

Гвоздь проверял нижние подпорки.

Дед Яр ворчал на корни, потому что корни, по его словам,
“стали слишком много о себе понимать”.

Мишка сидел у карты и рисовал не линии, а маленькие
отметки времени.

Лиска и Сенька проверяли улицы.

Сила стоял у мягкого знака возле часовни.

Отец Лаврентий наблюдал.

Серяков записывал.

Ратников записывал Серякова.

Так тоже держался порядок.

Первым изменился не звук.

Пауза.

Дарен поднял руку.

Все сразу замолчали.

Он приложил слуховую трубку к камню у нижнего про-
света, потом к боковой линии Дальнего хода, потом снова к
первой точке.

— Повторить, — сказал он тихо.

Ладов повернулся:

— Что?

— Не ты. Он.

Мы ждали.

Слепой резервуар сделал привычный выдох.

Глухой.

Каменный.

Ровный.

Через положенную задержку Дальний ход ответил.

Слабо.

Как и должен.

А потом, когда все уже почти перестали ждать, пришёл
второй звук.

Ниже.

Не громче.

Не сильнее.

Позже.

Дарен медленно снял трубку.

— Ещё раз.

Никто не спорил.

Второй цикл.

Резервуар.

Ответ Дальнего хода.

Пауза.

И снова — второй низкий отклик.

Дарен побледнел.

Не от страха.

От понимания.

Он повернулся к нам.

— Это не эхо.

Горн подошёл ближе.

— Почему?

— Эхо повторяет. А это отвечает.

Серяков сразу поднял перо.

— Формулируйте точнее.

Дарен посмотрел на него.

— Точнее: эхо идёт за первым звуком. Это ждёт свою паузу.

— Звук не ждёт.

Дед Яр буркнул:

— Плохой ждёт.

Ратников записал оба варианта.

Наверное, на всякий случай.

Горн не принял вывод сразу.

И правильно.

В аварии первое сильное объяснение часто бывает красивой ошибкой.

— Проверяем, — сказал он. — Трубы, метки, ветер, Пахомову подпорку, соляную линию, студней, продухи. Никаких выводов до повторения на трёх точках.

Сенька, появившись как раз вовремя, сказал:

— Обожаю, когда страшное сначала заставляют пройти через очередь.

Лиска ответила:

— Страшное хотя бы стоит. Ты всё время лезешь без очереди.

Проверка заняла почти час.

Слуховые трубки меняли.

Две дали тот же результат.

Одна показала слабее, но показала.

Ветер в продухах был ровный.

Пахомова подпорка не давала обратной тяги.

Еремей прислал:

Пепел правильный. Знак на месте. Руки не трогали.

Метка у кривой печи — стабильна.

Ю-3А — без роста.

Студни — у приманок, активность обычная.

Соляная линия — без хруста.

Гвоздь проверил подпоры и сказал:

— Ничего не давит боком.

— Уверен? — спросил Горн.

Гвоздь положил ладонь на нижний клин.

— Если бы давило, он бы просил.

Сенька тихо прошептал:

— Я всё ещё не привык, что деревяшки у нас теперь просят.

Дед Яр услышал.

— Они всегда просили. Просто раньше рядом стояли глухие дураки.

— Я чувствую, что это про цивилизацию в целом.

— Чувствуй молча.

Мишка всё это время не говорил.

Он рисовал.

Сначала одну линию.

Потом вторую.

Не под ней.

Рядом.

Первая линия была ровная, тяжёлая, с чёткими отметками резервуарного выдоха.

Вторая — ниже, мягче, с запоздалой волной.

Она не повторяла первую.

Она будто отвечала ей с другой глубины.

— Если это было эхо, — сказал Мишка наконец, — оно легло бы под первую линию. А оно идёт рядом. Как будто не хочет быть её тенью.

Отец Лаврентий подошёл к карте.

Долго смотрел.

— Хорошая формулировка.

— Плохая карта, — сказал Мишка.

— Почему?

— Потому что внизу опять пусто.

Вот это было хуже всего.

Мы уже знали: когда Мишка говорит “пусто”, значит, скоро там появится что-то, чего мы не хотели знать.

Я сел у карты.

Устинья возникла за спиной.

Конечно.

— Сидя, — сказала она.

— Я ещё ничего не сделал.

— Ты уже лицо сделал.

— Какое?

— Дурацкое. Когда собираешься быть полезным вместо живого.

Лиска сказала:

— Слушай врача. Она злее разлома.

Устинья посмотрела на неё.

— Не льсти.

Я положил руку на край карты.

Не на весь город.

Не на всю линию.

Только первый и второй ритм.

Контур пришёл не болью.

Сначала — расхождением.

Первый ритм я знал.

Слепой резервуар.

Камера давления.

Механический выдох.

Камень, вода, холод, ход.

Система, которая старела, но всё ещё понимала работу.

Второй ритм был другой.

Он не шёл из резервуара.

И не из Дальнего хода.

Дальний ход был горлом.

Не источником.

Я почувствовал это сразу — так ясно, что даже испугался.

Дальний ход проводил.

Передавал.

Но не рождал.

Ниже него было что-то ещё.

Не широкий ход.

Не просто карман.

Скорее закрытая глубина, где старое давление не исчезло,

а научилось ждать.

Я услышал оба ритма внутри себя.

И на секунду не понял, какой из них мой.

Это было плохо.

Очень плохо.

Устинья схватила меня за плечо.

— Дыши своим.

Я открыл глаза.

Комната плыла.

Не сильно.

Но неприятно.

— Вода, — сказала она.

Кто-то дал кружку.

Я выпил.

Горько.

Значит, не вода.

— Это медицинский обман? — спросил я.

— Это медицинская забота, — сказала Устинья. — Если начнёшь дышать по чужому ритму, я сама тебя отключу.

— Это медицинский термин?

— Это угроза ухода.

Сенька тихо сказал:

— Я бы лечился у неё только из страха выздороветь.

Лиска ответила:

— Тебя поздно.

Когда голова вернулась на место, я продиктовал.

Ратников писал.

Мишка рисовал.

Лаврентий слушал.

Серяков старался выглядеть так, будто не боится каждого слова.

Двойной ритм / предварительный контур

Первый ритм: Слепой резервуар; камера давления; механический выдох.

Второй ритм: ниже Дальнего хода; задержанный ответ; не является простым эхом.

Характер: самостоятельная реакция; возможная глубинная камера; память старого закрытия.

Риск: при следующем мягком ходе ответ может усилиться; возможен переход разлома в класс С.

На последних словах Серяков поднял голову.

— “Возможен переход”? Вы сами пишете?

Ратников ответил:

— Предварительный контур. Не классификация.

— Но формулировка уже опасна.

Лаврентий сказал:

— Опасна не формулировка. Опасно, если она верна.

Сила тем временем стоял у мягкого знака.

Он не слушал трубкой.

Он слушал иначе.

Когда второй ритм повторился в третий раз, его знак не треснул, не побелел, не усилился.

Он дрогнул.

Как человек, который узнаёт старое имя.

Сила провёл пальцем по линии знака.

— Это не просто холод.

Дарен, всё ещё бледный от услышанного, спросил:

— Что тогда?

— Место.

— Все места — места.

— Нет. Это место помнит, что его закрывали.

Дарен нахмурился.

— Камень не помнит.

Сила посмотрел на него.

— Разлом помнит через камень.

Эти слова не понравились никому.

Особенно мне.

Память у разлома — это уже не авария.

Авария ломает.

Память выбирает, где болеть снова.

Лаврентий стоял у карты двойного ритма.

Его лицо было спокойным.

Слишком спокойным.

— Класс D не отвечает вторым ритмом, — сказал он. —

Класс D ломает. Этот — различает.

Серяков спросил:

— Вы хотите повесить класс?

— Нет, — ответил Лаврентий. — Я хочу перестать лгать классу, который уже повысил себя.

Серяков замолчал.

Плохой знак.

Иногда молчание Серякова означало не согласие, а то, что он ищет, кому выгоднее отнести правду.

Сенька прибежал ближе к полудню.

На этот раз без шутки на входе.

Значит, плохо.

— Рынок уже знает.

Лиска резко повернулась.

— Что именно?

— Что под городом второе сердце.

В комнате стало тихо.

Слишком красивая фраза.

Не рыночная.

Не ямская.

Не рабочая.

Чужая.

— Кто сказал? — спросила Лиска.

— Три места. У колодца. У лавки с солью. И возле Пахомова склада.

— Слишком быстро, — сказал Ратников.

— И слишком гладко, — добавил Сенька. — Слух уже услышал второй ритм, хотя у него нет слуховой трубки. Это плохо. Значит, кто-то кормит его изнутри.

Лиска уже шла к двери.

— Не Яма.

— Уверена? — спросил Серяков.

Она повернулась к нему.

— Яма сказала бы проще: снизу стучит не так.

Матрёна, вошедшая как раз на этих словах, кивнула.

— Именно так и сказала.

— Кто? — спросил я.

— Люди у кривой печи. Пол отвечает после пола.

Вот оно.

Второй ритм перестал быть только слуховой трубкой.

Он дошёл до людей.

Не сильно.

Не опасно пока.

Но пол начал отвечать после пола.

Матрёна говорила спокойно, но глаза у неё были жёсткие.

— Они не паникуют. Но спрашивают. И правильно спрашивают.

— Холод? — спросила Устинья.

— Нет. Пальцы тёплые. Метка ровная. Но после первого слабого толчка через время приходит второй. Как будто кто-то вспоминает.

Сила тихо сказал:

— Да.

Горн положил ладонь на стол.

— Никакого следующего мягкого хода.

Никто не возразил.

Даже Дарен.

Особенно Дарен.

— Никакого верхнего выдоха. Никакого увеличения нижнего просвета. Никаких работ по Дальнему ходу. Пока второй ритм не нанесён на карту, любая работа — это удар вслепую.

Мишка уже взял новый лист.

— Карта двойного ритма?

— Да, — сказал Горн.

— Нужны все точки.

Дарен кивнул.

— Я дам слуховые.

— А паузы?

— Все.

— И где люди чувствуют?

Матрёна сказала:

— Я дам.

— И слухи, — добавила Лиска.

Сенька поднял руку.

— Я дам слухи, но не отвечаю за их моральное состояние.

Ратников сказал:

— Отец Лаврентий, доклад?

Лаврентий смотрел на линии.

— Предварительный. Без официального повышения. Но с указанием признаков, несовместимых с обычным классом D.

Серяков сказал:

— Это вызовет вмешательство.

— Не указать — вызовет смерть, — ответил Горн.

— Вы драматизируете.

Матрёна повернулась к нему.

— Приходите в Яму, когда пол отвечает второй раз. Там драматизация быстро становится бытом.

Серяков не нашёл ответа.

И это было хорошо.

Карта двойного ритма росла весь день.

Мишка рисовал не только линии.

Он рисовал фазы.

Первый выдох резервуара.

Ответ Дальнего хода.

Пауза.

Второй нижний отклик.

Точки, где его слышит камень.

Точки, где его чувствует пол.

Точки, где слух уже превратил его в “второе сердце”.

Лиска возвращалась с рынка и ставила свои отметки:

— Здесь фраза стала страшнее.

— Здесь люди начали спрашивать, что закрывать.

— Здесь один сказал “если второе сердце проснётся, надо уходить”.

Сенька добавлял:

— А здесь кто-то сказал “Лютов его разбудил”. Я отметил красным. Не потому что правда, а потому что опасно.

Ратников посмотрел на него.

— Ты начинаешь понимать документы.

— Не пугайте меня.

Еремей прислал от Пахомовой зоны:

Склад слышит слабо. Люди спрашивают. Нестер

молчит неправильно.

Сенька оживился:

— Даже Еремей научился диагностировать Нестера!

Лиска сказала:

— Нестер всегда молчит неправильно.

Гвоздь проверял опоры каждые два часа.

— Нижний клин держит. Но второй ритм идёт не в клин.

Ниже.

— Как знаешь? — спросил Лаврентий.

Гвоздь пожал плечами.

— Клин не просит. Земля под ним слушает.

Лаврентий записал.

Гвоздь вздохнул.

— Опять?

— Да.

— Пишите короче.

— Постараюсь.

К вечеру все устали так, будто не работали, а стояли внутри чужого сердца.

Хотя, возможно, именно это мы и делали.

Два ритма теперь были на карте.

Первый — понятный.

Второй — нет.

Но страшнее всего было не непонимание.

Страшнее была повторяемость.

Повторяемость — это когда страх перестаёт быть случайностью и начинает требовать названия.

Лаврентий стоял у карты, держа в руках предварительный доклад.

Серяков уже успел написать свой.

Ратников — возражения к ещё не прочитанному докладу Серякова.

Порядок.

— Если это не класс D, — сказал Дарен, — то что?

Лаврентий не ответил сразу.

Он посмотрел на карту.

На две линии.

На Яму.

На Дальний ход.

На список пробуждённых.

На Пахомову зону.

На отметки слухов.

— То, что заставит герцога смотреть вниз, — сказал он.

Этого хватило.

Херцог.

Слово стало в комнате третьим ритмом.

Не подземным.

Политическим.

И тоже опасным.

Сенька тихо сказал:

— Может, не надо, чтобы он смотрел? Вдруг у него взгляд тяжёлый.

Лиска ответила:

— У таких всегда тяжёлый. Они легче смотреть не умеют.

Матрёна сказала:

— Пусть смотрит. Только пусть сначала снимет чистые сапоги.

Нюра Глухая, спавшая у печи или делавшая вид, что спит, открыла один глаз.

— Херцоги сапоги не снимают. Они думают, что грязь должна отойти сама.

Никто не засмеялся.

Не потому что было не смешно.

Потому что было слишком верно.

Ночью второй ритм повторился ещё раз.

Слабее.

Но повторился.

Яма сообщила без паники:

Пол отвечает после пола. Признак. Не стоп. Люди предупреждены.

Мишка поставил последнюю точку дня.

Потом сел рядом с картой и долго смотрел на нижнюю линию.

— Она не похожа на полонку, — сказал он.

— А на что?

— На того, кто стучит не чтобы выбраться.

— А зачем?

Он пожал плечами.

— Чтобы узнать, кто слушает.

Я ничего не ответил.

Потому что боялся, что он прав.

На карте теперь было два дыхания.

Одно — старое, каменное, знакомое.

Второе — глубокое, задержанное, чужое.

И хуже всего было не то, что оно появилось.

Хуже было то, что оно отвечало не давлению.

Оно отвечало вниманию.

А значит, под городом было не просто место, которое лопалось.

Там было место, которое начинало понимать, что его снова слушают.

Глава 4. Класс С

Класс разлома — это не название беды.

Это количество людей, которые получают право вмешаться.

Пока разлом был D, он принадлежал мастерам, Яме, гильдии и тем, кто стоял у продухов.

Класс С означал, что беда выросла достаточно, чтобы наверху наконец заметили её.

А всё, что наверху замечают поздно, они обычно пытаются забрать быстро.

Утро началось с повторения.

Плохие вещи, когда повторяются, становятся уже не случайностью, а порядком. А порядок, даже страшный, требует названия.

Дарен сидел у слуховой линии бледный и злой.

Не на людей.

На звук.

Звук нельзя схватить за ворот, поставить к стене и заставить объяснить, зачем он вернулся. Поэтому Дарен злился тихо — точнее, чем обычно.

— Второй ритм повторяется, — сказал он. — Ночью слабее. После резервуарного выдоха сильнее. Не каждый цикл, но достаточно.

Горн стоял рядом.

— Уверен?

Дарен закрыл глаза.

Видно было, как ему не хочется отвечать.

— Уже не хочу быть уверен. Но слышу.

Вот это и было страшно.

Когда человек хочет ошибиться, но не может.

Слепой резервуар держал первый ритм ровно.

Дальний ход давал привычный задержанный ответ.

А потом ниже, глубже, будто в земле была ещё одна грудная клетка, приходил второй.

Не всегда одинаковый.

Не громкий.

Не угрожающий открыто.

Именно поэтому хуже.

Угроза, которая сразу кричит, хотя бы честна. А эта слушала паузы.

Отец Лаврентий пришёл с посохом.

Сегодня — с посохом.

Три тёмных кольца на нём были обвязаны тонкими нитями, между которыми держались маленькие серые узелки. Я сначала не понял, что это.

Потом увидел:

пепел от Еремеева знака;

пыль с Каменного зуба;

сухая нитка из старой тряпки у кривой печи;

кусочек воска с контрольной метки Ю-3А.

Не магия красоты.

Магия учёта.

Такая, от которой не ждёшь света, но ждёшь неприятной правды.

Серяков пришёл следом.

Ратников — сбоку.

Сенька, увидев их всех вместе, сказал:

— Если сегодня нас будут классифицировать, я прошу указать в примечании: внешне нестабилен, внутренне возмущён.

Лиска ответила:

— Тебя и так видно.

— Официально видно — другое дело.

Никто не засмеялся громко.

Класс С стоял в воздухе ещё до того, как его произнесли.

Лаврентий разложил на столе листы.

— Перед проверкой нужно обозначить, о чём речь.

Матрёна скрестила руки.

— Чтобы потом нельзя было сказать, что мы не так испугались?

— Чтобы страх имел меру, — ответил Лаврентий.

Нюра Глухая хмыкнула у печи.

— Хорошо сказано. Почти по-человечески.

Лаврентий начал с простого.

Для всех.

Не для магов.

Не для канцелярии.

Для тех, кто стоял у пола.

— Класс Е — локальный дефект. Холодная точка. Малое повреждение метки. Одиночные мелкие твари. Часто можно закрыть местной работой.

Мишка записывал сбоку.

Не потому что не знал.

Потому что карта любит, когда мир наконец говорит прямо.

— Класс D — опасность для квартала или участка городской системы. Ходы, обратный холод, устойчивые студни, необходимость дежурств и нижних постов.

Сенька поднял руку.

— То есть то, что у нас уже было.

— Да.

— Утешительно поздно.

Лаврентий продолжил:

— Класс С начинается там, где разлом перестаёт быть местом и становится системой.

Тишина.

Вот она, настоящая граница.

Не между Е и D.

Не между D и С.

А между “там плохо” и “это связано со всем”.

— Признаки класса С: самостоятельный вторичный отклик, связанный с глубинным контуром; влияние на город-

скую систему; возможность частичной эвакуации; групповое разломное пробуждение; необходимость внешнего утверждения и магической стабилизации более высокого порядка.

Пахом вошёл как раз на словах “частичная эвакуация”.

Умел выбирать момент.

Или Нестер умел слушать под дверями.

Пахом был без улыбки.

С Нестером.

С Еремеем позади — не как слугой, а как человеком, которого теперь приходилось учитывать.

— Повышение класса затронет частную собственность, — сказал Пахом без приветствия.

Лаврентий посмотрел на него.

— Разлом уже затронул.

— Класс С позволит временно подчинить мои склады аварийному режиму.

Горн ответил:

— Если ваши склады стоят над аварийной тягой, они уже в нём.

Пахом перевёл взгляд на карту.

На свою землю, пересечённую линией Дальнего хода.

На подпись Мишки:

Помощь ≠ право.

Он явно не любил эту строчку.

Нестер сказал:

— Предварительное повышение класса на основании

неустойчивых признаков может нанести ущерб владельцам и вызвать ненужную панику.

Матрёна медленно повернулась.

— Ненужная паника — это когда наверху бояться за склады раньше, чем внизу за детей.

Нестер открыл рот.

Потом закрыл.

Иногда человек чувствует, что следующий звук будет хуже молчания.

Серяков вмешался:

— Если класс повышается, полномочия Лютова и нештатной группы должны быть ограничены.

Ратников ответил сразу:

— Если класс повышается, причина ограничивать тех, кто слышит, становится меньше, а не больше.

— Нештатные пробуждённые не могут вести работы класса С.

Лаврентий спокойно сказал:

— Они уже ведут то, что класс D не объясняет.

Серяков замер.

Не потому что согласился.

Потому что фраза была слишком удобна для доклада и слишком неудобна для его позиции.

Горн стоял у карты двойного ритма.

Он выглядел усталым.

Не больным.

Не слабым.

А как человек, который понимает: правильное решение сейчас ухудшит жизнь всем, но неправильное может забрать её совсем.

— Если это С, — сказал он, — мы не имеем права держать его D ради удобства.

Пахом холодно спросил:

— Чьего удобства?

Горн посмотрел на него.

— Вашего. Канцелярии. Моего. Лютова. Ямы. Всех. Неправильный класс — это неправильная рука на правильной ране.

Я не хотел звать тех, кто придёт сверху.

Не хотел херцогских печатей.

Не хотел отрядов, магов, приказов, комиссий, изъятия карт, регистрации пробуждённых, умных людей в чистых плащах, которые будут смотреть на Яму как на задачу, а на нас — как на инструмент.

Но ещё меньше я хотел врать тому, что шло снизу.

— Я не хочу звать тех, кто придёт сверху, — сказал я. — Но ещё меньше хочу врать тому, что идёт снизу.

Лаврентий кивнул.

— Тогда проверяем.

Проверка была не похожа на красивое волшебство.

Позже, когда в Рудогорск придёт родовая магия порядка, я пойму разницу ещё сильнее.

Там будут круги, свет, линии, кристаллы, чистая геометрия и люди, которые привыкли, что магия должна выглядеть как власть.

У Лаврентия всё выглядело как работа старого писаря, которому дали посох вместо линейки.

На стол положили три металлических кольца.

Они были сняты с посоха.

Тёмные.

Неровные.

Каждое кольцо имело маленькую выемку.

В первую выемку Лаврентий вложил пепел от Еремеева знака.

Во вторую — пыль Каменного зуба.

В третью — каплю воды, принесённую Устиньей от кри-
вой печи.

— Не нравится мне, когда мою воду кладут в железо, — сказала Устинья.

— Почему? — спросил Сенька.

— Потому что обычно после этого кто-то умнеет недоста-
точно быстро.

Лаврентий не обиделся.

Он поставил рядом слуховую трубку Дарена, кусок воска от Ю-3А и маленькую нить с мягкого знака Силы.

Сила встал напротив.

Не как помощник.

Как ограничение.

Если духовная проверка станет слишком жёсткой, он должен был остановить её.

Это тоже было новым.

Раньше магию останавливали магией сильнее.

Теперь мы пытались остановить слишком сильную проверку мягким знаком.

Лаврентий начал тихо.

Не заклинанием.

Счётом.

— Первый контур: резервуар.

Первое кольцо звякнуло.

Низко.

Дарен закрыл глаза.

— Совпадает.

— Второй контур: Дальний ход.

Второе кольцо ответило позже.

Слабее.

Глубже.

Мишка отметил на карте.

— Третий контур: нижний отклик.

Третье кольцо долго молчало.

Слишком долго.

Потом звякнуло.

Не само.

Сначала одно короткое дрожание.

Потом второе.

Ниже.

Такой звук трудно описать.

Не громкий.

Не страшный сам по себе.

Но от него у людей меняется спина.

Она вспоминает, что внутри тела тоже есть пустоты.

Сила сразу поднял руку.

— Мягче.

Лаврентий ослабил линию.

Кольца затихли.

Но третий звук уже был услышан.

Услышан всеми.

Даже Нестер побледнел.

Матрёна посмотрела вниз, будто могла увидеть через пол
тех, кто сейчас в Яме почувствует что-то похожее.

— Пол? — спросила она у мальчишки-посыльного.

Тот убежал.

Через несколько минут вернулся:

— Яма слышала. Не сильно. Люди ждут.

Не паника.

Ждут.

Это было достижение.

Лаврентий снял руки с колец.

Его лицо стало серым.

Не от страха.

От ответственности.

— Предварительная классификация, — сказал он. —
Класс С.

Слова легли ровно.

Как камень на крышку колодца.

Серяков сразу спросил:

— Предварительная?

— Да. До герцогского утверждения.

Горн сказал:

— Для работы достаточно?

Лаврентий посмотрел на кольца.

— Для запрета работать как с D — достаточно.

Сенька тихо сказал:

— Класс С звучит как то, после чего никто уже не имеет
права быть просто усталым.

Лиска ответила:

— А ты всё равно попробуешь.

— Это мой бунт против классификации.

Но даже он говорил тише.

Пахом шагнул ближе.

— Я не признаю ограничение частной собственности на
основании предварительной классификации.

Ратников поднял перо.

— Записать: владелец не признаёт влияние разлома на
свою землю, несмотря на двойной ритм, Пахомову заплату
и Еремеев знак?

Пахом посмотрел на него тяжело.

— Ты слишком смел.

— Нет. Я просто пишу быстрее, чем вы переименовываєте факты.

Еремей тихо сказал:

— Кольцо звенело дважды.

Пахом повернулся к нему.

— Ты теперь и кольца слушаешь?

— Я видел пепел. Теперь слышал железо.

— И?

— Оба не ваши.

Пахом не ответил.

И это было лучшим ответом.

Матрёна подошла к Лаврентию.

— Класс С значит, нас выгонят?

Вопрос ударил сильнее классификации.

Потому что в нём была не политика.

Дом.

Лаврентий ответил осторожно:

— Может означать частичную эвакуацию.

За окном кто-то выдохнул.

Люди слышали.

Яма всегда слышала быстрее, чем верх думал.

Матрёна не повысила голос.

От этого стало страшнее.

— Если нас выведут так, что продухи останутся без людей, это будет не спасение. Это новый удар.

— Да, — сказал я. — Эвакуация без карты — тоже удар.
Горн кивнул.

— Никакой хаотичной эвакуации. До плана — посты сохраняются.

Серяков сказал:

— При классе С решение об эвакуации может прийти сверху.

Матрёна посмотрела на него.

— Тогда сверху пусть сначала научатся, где у нас пол отвечает второй раз.

Нюра Глухая, которая до этого молчала, сказала:

— И пусть несут свои сапоги сами. У нас для них рук нет.

Лаврентий начал перечислять последствия.

Не для страха.

Для работы.

— Первое. Доклад герцогу. Второе. Приостановка любых новых мягких ходов до утверждения режима. Третье. Усиленное наблюдение двойного ритма. Четвёртое. Предварительная подготовка плана частичной эвакуации без снятия контрольных постов. Пятое. Отдельный список пробуждённых с пометкой: “не разъединять до завершения стабилизации”. Шестое. Карты — под защиту гильдии и свидетельство канцелярии. Седьмое. Пахомова зона — под строгий общий контроль.

Пахом сказал:

— “Под защиту” часто означает “забрать”.

Ратников ответил:

— Поэтому напишем: копии наверх, оригиналы на месте.

— Кто решит?

Горн сказал:

— Я.

— Вы?

— Пока город держится на этих картах — да.

Лаврентий добавил:

— Я подтверждаю.

Серяков резко посмотрел на него.

— Вы берёте на себя многое.

— Нет, — сказал Лаврентий. — Я просто не перекладываю всё на тех, кто стоит ниже.

Это была хорошая фраза.

Опасная для него.

Полезная для нас.

Мишка сидел у карты и молчал.

Я подошёл.

— Что?

— Карту заберут?

— Попытаются.

Он кивнул.

Не заплакал.

Не испугался видимо.

Просто прижал уголь крепче.

Лиска сказала:

— Пусть попробуют руками.

Гвоздь поднял голову.

— Я буду рядом.

Сенька спросил:

— С картой или с руками?

Гвоздь подумал.

— Да.

— Исчерпывающе.

Дарен в это время снова приложил слуховую трубку.

— Второй ритм слабый. Но после проверки кольцами он как будто... слушает.

Никто не хотел этого слова.

Но оно уже жило среди нас.

Слушает.

Разлом слушает.

Не только мы его.

Лаврентий сел писать доклад.

Не черновик.

Официальный предварительный.

Ратников сел рядом.

Серяков — напротив.

Три пера.

Три разных будущих беды.

Текст рождался тяжело.

Каждое слово могло стать инструментом или удавкой.

“На основании повторяющегося двойного ритма,

самостоятельного нижнего отклика, группового разломного пробуждения, влияния на городские контуры и подтверждения духовно-слуховой проверкой предварительно классифицирую разломную ситуацию Рудогорска как класс С до герцогского утверждения.”

Серяков сразу предложил:

“Нештатная группа пробуждённых требует ограничения.”

Лаврентий заменил:

“Функционально связанная пробуждённая бригада является критической частью текущей стабилизации; разъединение, изъятие отдельных участников или запрет нижних сигналов может усилить аварийный риск.”

Ратников добавил:

“Оригиналы рабочих карт должны оставаться в зоне стабилизации.”

Серяков сказал:

— Это необычно.

— Разлом тоже, — ответил Ратников.

Горн добавил:

“Любая эвакуация Ямы должна проводиться по карте признаков и с сохранением контрольных постов до безопасной передачи функций.”

Матрёна сказала:

— “До безопасной передачи функций” — это что?

Ратников ответил:

— Пока живой человек не покажет другому живому человеку, где смотреть.

— Тогда пиши так.

— В официальный доклад?

— Особенно туда.

Ратников посмотрел на Лаврентия.

Лаврентий кивнул.

Ратников написал:

“Передача поста считается действительной только после очного показа признаков и подтверждения понимания дежурным.”

Матрёна подумала.

— Сухо, но не врёт.

— Благодарю, — сказал Ратников.

Когда доклад был готов, Лаврентий достал печать.

Не большую.

Не герцогскую.

Свою.

Духовного ревизора.

Она была меньше, чем я ожидал.

Но в тот момент казалась тяжелее камня.

— После этого, — сказал он, — герцогская канцелярия получит право вмешательства.

— Получит? — спросил Сенька. — Или вспомнит, что всегда его имела?

Лаврентий не ответил.

Иногда вопрос слишком точен, чтобы портить его ответом.

Матрёна спросила:

— Он когда-нибудь видел Яму?

— Сверху, — сказал Лаврентий.

— Значит, не видел.

Никто не возразил.

Даже Серяков.

Печать легла на доклад тихо.

Но в комнате все услышали её как третий ритм.

Первый шёл из резервуара.

Второй — из глубины.

Третий пришёл сверху.

И я не был уверен, какой из них опаснее.

После печати день не закончился.

Наоборот.

Он стал длиннее.

Посыльный ушёл к герцогскому тракту с двумя сопровождающими.

Копии доклада сделали сразу.

Одна — у Лаврентия.

Одна — у Горна.

Одна — запечатанная для гильдии.

Одна — краткая для Ямы.

Матрёна потребовала не “краткую”, а понятную.

Ратников написал:

“Разлом предварительно признан классом С. Это значит: опасность шире, чем думали. Посты сохраняются. Никто не закрывает продухи. Никто не уходит без порядка. Если будет эвакуация, сначала карта, потом люди. Признак остаётся работой.”

Нюра прочитала.

— Нормально. Почти живое.

Сенька сказал:

— “Почти живое” — высшая похвала от Нюры.

К вечеру слух уже пошёл.

Конечно.

Класс С не мог остаться внутри бумаги.

Сенька вернулся с улицы:

— Есть три версии. Первая: город проваливается. Вторая: Лютов вызвал герцога. Третья: Пахомовы склады станут казёнными и там будут раздавать хлеб.

Пахом, сидевший ещё у стола, резко поднял голову.

— Что?

Сенька развёл руками.

— Слух любит богатых. Он их сначала грабит словами.

Лиска сказала:

— Третью версию надо гасить первой. Голодные люди пойдут к складам.

Матрёна кивнула.

— Яма услышит: хлеба там не раздают, продухи не закры-

вать, посты стоят.

Пахом сказал:

— Мои склады не место для толпы.

Матрёна ответила:

— Тогда пусть ваши люди не дают слуху запах хлеба.

Еремей сразу пошёл к складам.

Без приказа.

Пахом видел.

Ничего не сказал.

Иногда молчание хозяина означает: иди, пока я не решил, что ты прав.

Ночью мы снова слушали ритмы.

Первый.

Второй.

Пауза.

Тишина.

Дальний ход держал.

Яма держала.

Город держал.

Но теперь над всем этим висела печать, которая уже шла к Херцогу.

Мишка написал внизу карты:

Класс С. Предварительно.

Потом поставил рядом маленький знак вопроса.

— Зачем вопрос? — спросил я.

— Потому что Херцог ещё не сказал.

— А если скажет?

— Тогда уберу.

Он помолчал.

— Или поставлю больше.

— Почему?

— Потому что когда сверху говорят уверенно, ошибок становится больше.

Я устало усмехнулся.

— Опасная мысль.

— Карта сама так думает.

Лиска от окна сказала:

— Слушай карту. Она умнее многих начальников.

Сенька добавил:

— И рисует честнее.

Ночь была длинной.

Класс С не изменил звук разлома.

Не сразу.

Не усилил холод.

Не треснул камень.

Не вывел из земли тварь.

Он сделал другое.

Он изменил количество людей, которые теперь имели право протянуть к нам руки.

И это было почти так же страшно.

Потому что с этого дня мы работали уже не только против холода снизу.

Мы начинали работать между двумя давлениями.
Одно поднималось из глубины.
Другое спускалось сверху.
А Яма, как всегда, была между ними.

Глава 5. Герцогский приказ

Приказ отличается от совета тем, что не спрашивает, куда упадёт его тень.

Совет можно обсудить.

Просьбу можно отложить.

Ошибку можно остановить у продуха.

Приказ приходит сверху и считает, что земля под ним уже согласилась.

После печати Лаврентия город ждал.

Это было самое неприятное состояние: когда ты уже сделал правильное, но ещё не знаешь, какую беду оно приведёт за собой.

Яма держала посты.

Продухи были открыты.

Кривая печь молчала правильным молчанием.

Пахомова подпорка стояла под Еремеевым знаком.

Двойной ритм повторялся слабо, но упрямо.

Дарен слушал.

Мишка рисовал.

Гвоздь проверял доски и клинья.

Сила держал мягкий знак.

Лиска и Сенька ловили слухи раньше, чем те успевали надеть сапоги.

А я всё чаще смотрел не вниз.

На тракт.

Иногда беда идёт не из разлома.

Иногда она едет по тракту с печатью.

Херцогский ответ пришёл быстро.

Слишком быстро.

Сенька первым увидел пыль на верхней дороге и сказал:

— Хорошая новость: герцог ответил быстро.

Лиска прищурилась.

— А плохая?

— Быстро сверху редко значит осторожно.

По тракту шли трое всадников и крытая повозка.

Впереди — стражник с гербом: чёрный зубчатый знак на серебряном поле. За ним — херцогский писарь в тёмном дорожном плаще, сухой, ровный, с лицом человека, который привык читать судьбы чужим голосом. Третий был молодой стражник с рукой на рукояти меча, будто Рудогорск мог броситься на него из-за угла.

Повозка везла ящики.

Не людей.

Печати, бумаги, мерные шнуры, два складных штатива и железный футляр, от которого Сила сразу нахмурился.

— Что там? — спросил я.

— Геометрическая рамка порядка, — сказал он. — Для первичной разметки.

— Плохо?

— Смотря кто держит.

— А если человек сверху?

— Тогда сначала красиво, потом больно.

Всадники не поехали в Яму.

Конечно.

Они поднялись к гильдии.

И уже этим сказали достаточно.

Беда чувствовалась внизу.

Приказ читался наверху.

Горн велел собрать всех в большом зале гильдии.

Не в управе.

Не в духовной канцелярии.

В гильдии.

Потому что работа ещё держалась руками мастеров, а не словами чиновников.

Пришли почти все, кто уже не мог оставаться “почти” в стороне.

Горн.

Лаврентий.

Серяков.

Ратников.

Я.

Дарен.

Мишка с картами.

Лиска.

Сенька.

Сила.

Гвоздь.

Матрёна.

Нюра, которая заявила, что если приказы будут касаться пола Ямы, то Яма пришлёт пол в лице неё.

Пахом.

Еремей.

Нестер, разумеется, стоял рядом с Пахомом и выглядел как человек, который надеется, что чужая власть наконец сделает то, что его собственная хитрость не смогла.

Херцогский писарь представился:

— Тимон Арвель, старший писарь выездной канцелярии Его Светлости герцога Армана Торнвальда.

Сенька шепнул:

— У человека имя длиннее, чем сострадание.

Лиска наступила ему на ногу.

Писарь развернул свиток.

Печать на нём была крупнее лаврентьевой.

Тяжёлая.

Серебряная.

Холодная даже на вид.

Он начал читать.

Голос у него был правильный.

И от этого слова казались ещё опаснее.

— На основании предварительного доклада духовного ревизора Лаврентия Сухова о разломной ситуации в городе Рудогорске, подтверждающей признаки класса С, до прибытия

герцогской комиссии постановляется...

В зале стало тише.

Даже дерево, кажется, перестало скрипеть.

— Первое. Рудогорский разлом предварительно принимается к ведению как разлом класса С до окончательного утверждения.

Дарен опустил глаза.

Не от страха.

От того, что услышанное теперь стало написанным.

— Второе. Все работы по верхнему, нижнему и дальнему контурам подлежат херцогскому надзору.

Горн не двинулся.

Но я увидел, как у него напряглась челюсть.

— Третье. Гильдия сохраняет техническое исполнение текущих стабилизационных действий, но не вправе начинать новые действия без утверждения назначенного надзора.

— Если нам запретят действовать до утверждения каждого шага, — сказал Горн тихо, но так, чтобы слышали все, — разлом будет ждать быстрее, чем писари.

Тимон Арвель поднял глаза.

— Замечания принимаются после чтения.

— Разлом тоже, — сказал Сенька, — но он не обещал ждать конца свитка.

Писарь посмотрел на него так, будто хотел поставить запятую между его жизнью и наказанием.

Ратников кашлянул.

— Продолжайте.

— Четвёртое. Все лица, проявляющие признаки разломного пробуждения, временно вносятся в отдельный список и не вправе покидать Рудогорск без разрешения герцогской комиссии.

Лиска сразу сказала:

— Для защиты или для учёта?

Писарь посмотрел на неё.

— Для порядка.

— Значит, для того и другого, пока не решат, что удобнее.

Серяков записал.

Наверняка с удовольствием.

— Пятое. Все рабочие карты, схемы, списки признаков и журналы ритмов подлежат предоставлению для копирования и проверки.

Мишка сжал край карты.

Я заметил.

Горн тоже.

— Шестое. Нижние кварталы, прилегающие к аварийному контуру, подлежат подготовке к частичной эвакуации.

Матрёна не стала ждать конца.

— Кто будет стоять у продухов, когда нас начнут “готовить к эвакуации”?

Писарь ответил официально:

— Порядок эвакуации будет определён надзором.

— Пол тоже определите? — спросила Нюра.

Тимон Арвель не понял.

И это было хуже, чем если бы обиделся.

Лаврентий сказал спокойно:

— Вопрос относится к сохранению нижних контрольных постов. Он существенный.

Писарь сделал пометку.

— Седьмое. Частные объекты, расположенные в зоне аварийного контура, включая складские строения Пахома Григорича, временно подлежат режиму ограниченного доступа.

Пахом не изменился лицом.

Но Нестер изменился за него.

— Это требует отдельного обсуждения, — сказал Пахом.

Писарь снова поднял глаза.

— Приказ уже содержит основание.

Пахом очень не любил, когда ему говорили его же методом.

— Восьмое. Для первичной магической стабилизации и оценки геометрии разлома направлена леди Элиана Торнвальд, маг порядка третьего круга, дочь Его Светлости герцога Армана Торнвальда.

На этот раз даже Сенька не сразу нашёл слова.

Потом нашёл.

— Дочь герцога? Прекрасно. Нам как раз не хватало человека, который будет презирать нас с хорошим образованием.

Лиска сказала:

— Пусть сначала попробует не испачкать сапоги.

Писарь холодно произнёс:

— Леди Элиана является утверждённым магом порядка третьего круга.

— А сапоги у неё какого круга? — спросил Сенька.

Ратников быстро сказал:

— Не записывайте.

Серяков уже записал.

Конечно.

Писарь дочитал:

— До прибытия леди Элианы и герцогской комиссии запрещаются самовольные изменения в контуре, самостоятельные расширения просветов, незарегистрированные магические действия и перемещение пробуждённых лиц за пределы города. При необходимости герцогская власть оставляет за собой право полного управления разломной зоной.

Свиток был закрыт.

Но его тень осталась.

Горн первым нарушил молчание.

— Приказ написан для разлома на бумаге. Наш под полом.

Писарь повернулся к нему.

— Мастер Горн, герцогский приказ учитывает доклад класса С.

— Он учитывает класс. Не ритм.

— Ритм будет предоставлен в журналах.

Дарен тихо сказал:

— Ритм не живёт в журнале.

Лаврентий посмотрел на него.

Писарь сделал ещё одну пометку, хотя, кажется, не понял.

Пахом заговорил вторым.

— Я предупреждал, что самовольные карты приведут к внешнему управлению.

Ратников ответил без паузы:

— Нет. К внешнему управлению привёл разлом класса С. Карты просто успели раньше.

— Удобная защита.

— Точная.

— Мои склады теперь ограничены.

— Ваши склады стоят над аварийной тягой.

— И теперь это стало поводом.

Еремей сказал тихо:

— Это стало видно.

Пахом посмотрел на него.

Не сердито.

Хуже.

Как на человека, который снова выбрал неудобное место для правды.

Серяков воспользовался моментом:

— Пункт о пробуждённых требует немедленного ограничения действий нештатной бригады.

Лаврентий поднял голову.

— В приказе указано, что они не вправе покидать город. Не указано, что они должны быть разделены или отстранены.

— Но они подлежат учёту.

— Учёт не равен разъединению.

— До решения комиссии...

— До решения комиссии разъединение функционально связанной бригады может усилить аварийный риск. Это было в докладе.

Писарь перелистал копию.

— Было.

Серяков сжал губы.

Ратников почти доброжелательно сказал:

— Иногда полезно читать не только те строки, которые нравятся.

Мишка всё ещё держал карту.

Писарь заметил.

— Рабочие карты должны быть предоставлены для копирования.

Горн ответил:

— Будут предоставлены. На месте.

— Приказ требует предоставить.

Ратников сказал:

— Предоставить не значит лишить рабочую зону единственного точного инструмента.

Писарь посмотрел на него.

— Вы кто?

— Ратников. Писарь рабочей группы.

— Херцогская канцелярия имеет право изъять материалы.

— В приказе сказано: предоставить для копирования и проверки. Не изъять.

Тимон Арвель проверил текст.

Неприятная пауза.

Ратников стоял спокойно.

У хорошего писаря есть особый вид смелости: он не спорит с властью, он заставляет власть читать собственные слова.

Мишка вдруг сказал:

— Если заберёте карту, она станет старой раньше, чем дойдёт до двери.

Писарь посмотрел на него.

— Карта не стареет за минуту.

— Эта — да.

— Почему?

— Потому что пол отвечает, люди двигаются, ритм меняется, слух бежит. Если карта не здесь, она уже не карта. Она память.

Лаврентий тихо сказал:

— Верно.

Писарь сделал ещё одну пометку.

Кажется, сегодня ему предстояло много пометок, которые он не хотел делать.

Сила подошёл ближе к железному футляру, который принесли с приказом.

— Геометрическая рамка уже активирована?

Писарь ответил:

— Опечатана до прибытия леди Элианы.

— Хорошо.

— Почему?

Сила посмотрел на него.

— Потому что красивая вещь, поставленная не вовремя, всё равно удар.

Писарь явно не знал, как это записать.

Серяков знал, но не рискнул.

Я спросил Лаврентия:

— Маги порядка. Насколько это опасно?

— Они могут помочь.

— И могут ударить.

— Если не увидят Яму — да.

Сенька поднял палец.

— Предлагаю встретить леди Элиану сразу в Яме. Пусть увидит.

Лиска сказала:

— Она сначала увидит грязь и решит, что это ошибка местности.

— А если умная?

— Тогда грязь увидит её.

Нюра одобрительно хмыкнула.

Писарь развернул отдельный лист.

— Требуется список пробуждённых лиц.

В комнате стало холоднее.

Не от разлома.

От учёта.

Я спросил:

— Для защиты или для учёта?

— Для порядка, — повторил он.

Лиска усмехнулась.

— Он знает только одно слово. Зато носит его как дубинку.

Лаврентий вмешался прежде, чем писарь обиделся официально.

— Список будет предоставлен в формулировке: “функционально связанная пробуждённая бригада, не подлежащая разъединению до завершения стабилизации”. С указанием функции каждого, цены и ограничения.

— Это необычная форма.

— Обычная форма создаст необычный риск.

— Герцогская комиссия может потребовать индивидуального осмотра.

Гвоздь спросил:

— По одному?

— Да.

— Плохо.

Писарь удивился.

— Почему?

Гвоздь посмотрел на карту.

— Если по одному, не слышно, где держит вместе.

Писарь замолчал.

Потом снова сделал пометку.

Сенька тихо сказал:

— Гвоздь победил бюрократию ногой и одной фразой.

— Я рукой тоже могу, — сказал Гвоздь.

— Верю.

Матрёна подошла к столу.

— Яме нужен текст.

— Приказ уже прочитан, — сказал писарь.

— Не приказ. Текст.

Ратников взял лист.

— Понятный?

— Живой.

— Тогда так.

Он писал, а Матрёна стояла рядом и сразу исправляла.

Разлом предварительно признан классом С. Это значит: опасность шире, чем думали. Посты сохраняются. Продухи не закрывать. Никто не уходит без карты и передачи поста. Эвакуация готовится, но не начинается без порядка. Признак остаётся работой. Если придут люди сверху — показывать карту, не глину.

Нюра прочитала.

— Добавь: не верить тому, кто говорит “уходите сейчас,

вещи потом”.

Матрёна кивнула.

Ратников добавил.

Сенька и Лиска ушли с копиями.

Потому что слух уже наверняка бежал быстрее лошади.

Вернулись через час.

Лиска — с лицом, которое не обещало хорошего.

Сенька — с видом человека, который вынужден признать, что даже слух иногда работает слишком творчески.

— Четыре версии, — сказал он. — Первая: дочь герцога идёт запечатать Яму. Вторая: пробуждённых уведут в верхний замок. Третья: класс С значит, что город проклят. Четвёртая: Пахомовы склады станут герцогскими и там раздадут хлеб.

Пахом резко повернулся.

— Что?

— Слух любит богатых. Он их сначала грабит словами.

Лиска сказала:

— Четвёртую гасим первой. Голодные пойдут к складам.

Пахом сказал:

— Мои склады не место для толпы.

Матрёна ответила:

— Тогда пусть ваши люди не дают слуху запах хлеба.

Еремей уже пошёл к двери.

Без приказа.

Пахом видел.

И опять ничего не сказал.

Новый порядок входил в его жизнь через молчание.

Лиска продолжила:

— Про дочь герцога фраза слишком красивая. “Запечатать Яму” — не рыночное. Кто-то кормит.

— Нестер? — спросил Сенька.

Нестер возмутился:

— Это клевета.

Лиска посмотрела на него.

— Я спросила не тебя. Но ответ услышала.

Ратников сказал:

— Слух о запечатывании опасен. Он толкнёт людей закрывать щели заранее.

— Уже толкает, — сказала Лиска. — Один у третьего про духа спросил, можно ли спрятать доски.

Матрёна пошла к двери.

— Идём.

Писарь удивился:

— Собрание не завершено.

Матрёна даже не обернулась.

— Пол ждать не будет, пока вы закончите быть важными.

Сенька поспешил за ней.

— Я обожаю нижнюю дипломатию.

И вот тогда я почувствовал наклон.

Не подземный.

Не совсем.

Это было странно.

Контур наклона обычно приходил через карту, ритм, давление. Сейчас он пришёл через слова, дороги, людей, приказ, страх, слух.

Линия пошла от герцогского приказа к эвакуации.

От эвакуации — к пустым продухам.

От пустых продухов — к усилению второго ритма.

Другая линия пошла от списка пробуждённых к разъединению.

От разъединения — к потере связанного отклика.

Третья — от изъятия карт к запоздалым решениям.

Четвёртая — от геометрической рамки порядка к красивому жёсткому кругу.

И в конце каждой линии было одно и то же слово:

удар.

Я опёрся на стол.

Устинья, конечно, сразу оказалась рядом.

— Что?

— Приказ тоже имеет наклон.

Лаврентий посмотрел на меня.

— Вы видите социальный контур?

— Нет. Или да. Не знаю. Я вижу, что если выполнить приказ буквально, он ударит в четыре места.

Писарь напрягся.

— Герцогский приказ не может быть охарактеризован как удар.

Ратников сухо сказал:

— Он может быть охарактеризован как действие, способное изменить нагрузку.

— Вы снова играете формулировками.

— Мы ими выживаем.

Горн подошёл к карте.

— Покажи.

Мишка уже понял.

Он поставил рядом с картой двойного ритма новый лист.

— Карта приказа? — спросил он.

Я посмотрел на него.

— Пока — карта рисков приказа.

Он кивнул.

И начал рисовать.

Приказ сверху.

Стрелка к картам.

Стрелка к пробуждённым.

Стрелка к эвакуации.

Стрелка к магии порядка.

Стрелка к Пахомовым складам.

И рядом с каждой — знак удара, если действие будет сделано без карты.

Лаврентий смотрел.

Писарь смотрел.

Серяков смотрел так, будто хотел запретить самую возможность линии.

Горн сказал:

— До прибытия леди Элианы мы не делаем новых ходов. Но держим систему. Посты, карты, двойной ритм, Пахомова зона, Яма. Всё.

— И готовим её к тому, чтобы сверху не ударили красиво,
— сказал я.

Сила кивнул.

— Красивый удар всё равно удар.

Лиска, вернувшаяся на пороге и услышавшая последнюю фразу, сказала:

— Значит, встретим красоту грязью и картой.

Сенька за её спиной добавил:

— И, возможно, мной. Для морального ущерба.

Писарь выглядел так, будто впервые понял: приказ при-
был не в пассивную зону бедствия, а в живую систему, кото-
рая уже научилась сопротивляться не власти, а удару.

Это было важно.

И опасно.

К вечеру герцогский приказ был переписан в три вида.

Официальный — для гильдии.

Рабочий — для постов.

Живой — для Ямы.

Карты остались на месте.

Копии начали делать под рукой Мишки.

Список пробуждённых составили, но Ратников поставил
сверху крупно:

Не разъединять до завершения стабилизации.

Лиска увидела своё имя и сказала:

— Если кто-то решит меня “осмотреть индивидуально”, я осматрю его обратно.

Сенька сказал:

— Запишите как ограничение способности.

Ратников, не моргнув, написал:

Лиска — индивидуальный осмотр возможен только при её согласии и наличии выхода.

— Наличии выхода? — спросил я.

— Для осматривающего, — ответил он.

Нюра одобрила.

Гвоздь проверил ящики с херцогской рамкой, не открывая печати.

— Тяжёлая.

Сила сказал:

— И жёсткая.

— Как узнаёшь?

— Она молчит слишком ровно.

Гвоздь кивнул.

— Плохое молчание.

Дарен, услышав это, тихо сказал:

— Теперь все слышат молчание.

— Разломное воспитание, — сказал Сенька. — Не рекомендую детям, взрослым и чиновникам.

Ночью пришёл новый слух:

леди Элиана уже миновала северную заставу.

Она будет в Рудогорске завтра к вечеру.

Херцогская магия порядка приближалась.

Чистая.

Сильная.

Образованная.

Уверенная.

И, возможно, слепая там, где у Ямы был пол.

Я стоял у окна и смотрел на тракт.

Где-то там ехала дочь герцога.

Маг порядка третьего круга.

Человек, которого учили держать линии ровно.

А здесь город уже держался на кривых линиях, мокрым полу, пепле, детской карте, глухой Нюре, злой Устинье, молчаливом Еремее, рыжей заразе Сеньке, Лиске с ножом, Дарене со слуховой трубкой, Гвозде с руками, Силе с мягким знаком и праве Ямы сказать “признак”.

Герцогский приказ не треснул камень.

Не усилил холод.

Не изменил ритм резервуара.

Он сделал другое.

Он добавил к разлому форму власти.

И теперь нам предстояло удержать город не только от того, что поднималось снизу,
но и от того, что собиралось помочь сверху.

Глава 6. Леди Элиана

Некоторые люди входят в город как дождь — их слышно раньше, чем видно.

Леди Элиана Торнвальд вошла иначе.

Сначала город выпрямился.

Потом замолчал.

И только потом мы увидели её.

Утро началось с ожидания.

Не обычного, когда ждёшь дождь, поставку досок или очередную дурную записку от канцелярии. Это было ожидание человека, которого никто ещё не знал, но все уже успели представить неправильно.

Слухи проснулись раньше людей.

— Леди идёт запечатать Яму.

— Леди заберёт пробуждённых.

— Леди дочь герцога, у неё сапоги не пачкаются.

— Леди видит разлом сквозь стены.

— Леди превратит студней в лёд.

— Леди запретит Лютову смотреть.

Последний слух Сенька принёс почти с гордостью.

— Вот, — сказал он, — наконец-то слух понял суть власти: запретить смотреть тому, кто видит.

Лиска стояла у окна и смотрела на верхний тракт.

— А ты гаси.

— Гашу. Но слух про сапоги красивый, жалко.

— Сапоги проверим.

— Ты собираешься напасть на обувь дочери герцога?

— Если обувь начнёт командовать Ямой — да.

Матрёна пришла из Нижних с двумя дежурными.

— Люди спрашивают, надо ли готовиться к эвакуации.

— Что ответила? — спросил я.

— Готовиться — да. Бежать — нет. Продухи — не закрывать. Карты — смотреть. Леди — не трогать.

Сенька поднял палец.

— Последнее огорчает, но разумно.

Горн в этот день был особенно молчалив.

Он проверил журналы, ритмы, посты, Пахомову подпорку, список материалов, карту двойного ритма, список пробуждённых, копии для херцогской комиссии и отдельную карту для Ямы.

Потом сказал:

— Церемонии не будет.

Ратников поднял глаза.

— Не будет.

— Встречаем как мага, не как праздник.

— Запишу это как принцип.

— Не надо записывать всё.

— Поздно.

Пахом появился раньше обычного.

В чистом плаще.

С Нестером.

И с лицом человека, который решил использовать чужую власть, но пока не знает, за какой край её удобнее держать.

Еремей стоял у Пахомовой подпорки и на встречу не пошёл.

Пахом заметил.

Ничего не сказал.

Это уже стало их новым языком.

Отец Лаврентий пришёл к гильдии с посохом. Сила стоял рядом с ним и смотрел на железную рамку порядка, всё ещё запечатанную в футляре. Дарен сидел у слуховой трубки, потому что сказал:

— Если она въедет красиво, разлом всё равно будет звучать некрасиво.

Хорошая мысль.

Очень наша.

К полудню на тракте поднялась пыль.

Не большая.

Ровная.

Даже пыль, кажется, шла порядком.

Сначала появились два всадника с гербом Торнвальдов.

Потом лёгкая закрытая повозка — не роскошная, но дорогая в той манере, когда вещь не кричит о цене, потому что все и так должны знать.

За повозкой ехали двое помощников в серо-синих плащах. Один вёз длинный плоский футляр. Второй — коробку

с мерными кристаллами.

Лошади остановились у гильдии.

Не у управы.

Значит, герцогская канцелярия всё-таки прочитала доклад.

Или Лаврентий настоял.

Дверца повозки открылась.

Леди Элиана Торнвальд вышла так, будто спускалась не на грязную улицу Рудогорска, а на линию, заранее проведённую в мире специально под её шаг.

Высокая.

Стройная.

Строгая.

Светлые волосы убраны так точно, что даже ветер не решился спорить. Лицо красивое, но не тёплое. Не ледяное — это было бы слишком просто. Скорее лицо человека, которого с детства учили: чувства могут быть, но не должны мешать форме.

Плащ — стального-синего цвета, с серебряной застёжкой в виде углового знака Торнвальдов. Перчатки тонкие. На пальцах — узкие кольца с геометрическими насечками.

И сапоги действительно не пачкались.

Не потому что грязь отскакивала.

Нет.

Это было тоньше.

Когда она ступила на мокрую землю, грязь под подош-

вой не разлетелась, не прилипла, не хлюпнула. Она будто на мгновение вспомнила, что может лежать ровно, и послушно разошлась тонким сухим краем.

Сенька выдохнул:

— Ненавижу, когда слух оказывается талантливым.

Я смотрел на её шаг.

Она не отталкивала грязь.

Она заставляла её помнить форму.

Вот такая была магия порядка.

Не огонь.

Не молния.

Не светящийся меч.

Форма.

И это было страшнее, чем выглядело.

Потому что форма, если ей слишком верить, начинает считать живое ошибкой.

Элиана остановилась перед Горном.

Тимон Арвель выступил вперёд.

— Леди Элиана Торнвальд, маг порядка третьего круга, дочь Его Светлости герцога Армана Торнвальда, прибыла для первичной стабилизации разломной зоны класса С.

Элиана подняла руку.

Не резко.

Но писарь замолчал сразу.

— Титулы оставим для тех, кому они помогают думать,

— сказала она.

Голос у неё был спокойный.

Не мягкий.

Не добрый.

Образованный.

Точно поставленный.

Так говорят люди, которые привыкли, что их слышат с первого раза.

Горн кивнул.

— Мастер Горн. Техническое исполнение стабилизации.

— Знаю.

Она посмотрела на Лаврентия.

— Отец Лаврентий. Ваш доклад был... необычен.

— Разлом тоже.

— Я проверю.

— Для этого вы здесь.

Потом её взгляд прошёл по остальным.

Не грубо.

Не презрительно открыто.

Хуже.

Оценочно.

Как по столу с инструментами, часть из которых грязная, часть опасная, часть неизвестно зачем лежит рядом с картой.

Она задержалась на мне.

— Макар Лютов. Неаттестованный пробуждённый. Контурное восприятие. Нестабильная зона влияния.

Сенька тихо сказал:

— Звучит как болезнь с перспективой.

Я ответил Элиане:

— Можно проще: человек, которому иногда больно раньше остальных.

Она не улыбнулась.

— Боль не является квалификацией.

— Зато иногда является предупреждением.

Её глаза на мгновение стали внимательнее.

Не теплее.

Просто внимательнее.

— Предупреждение требует проверки.

— Поэтому мы ещё живы.

Это ей не понравилось.

Не потому что дерзко.

Потому что верно и не по форме.

Она посмотрела на Мишку.

Он стоял рядом с картой, прижав к груди рулон с живой разметкой двойного ритма.

— Карты ведёте вы?

— Да.

— Возраст?

Мишка нахмурился.

— Меньше, чем у карты.

Сенька тихо умер от восторга.

Ратников закрыл глаза.

Элиана чуть повернула голову.

— Это рабочий черновик?

— Это живая карта.

— Карта не должна быть живой. Она должна быть точной.

Мишка посмотрел на неё так, как смотрел на пустые места в старых схемах.

— Если место живое, мёртвая карта врёт.

Тишина.

Я видел, как Элиана хотела сразу ответить.

И не ответила.

Хороший знак.

Умный человек иногда умеет не тратить первый укол на проигрыш.

Она посмотрела на Лиску.

Лиска стояла у двери, руки скрещены, нож на поясе, взгляд прямой, поза такая, будто если порядок войдёт слишком быстро, она подставит ему локоть.

— Вы входите в состав рабочей группы? — спросила Элиана.

— Когда нужно — вхожу. Когда не нужно — выхожу. Это удобнее, чем титул.

— Дерзость не является функцией.

Лиска улыбнулась.

Не добро.

— Зато иногда заменяет пропущенный пост.

Сенька прошептал:

— Началось.

— Что? — спросил Дарен.

— История.

Элиана услышала, но решила не тратить внимание.

Тоже умно.

Пока.

Она посмотрела вниз, в сторону Ямы.

С верхнего двора гильдии Нижние были видны не полностью. Крыши, дым, узкие проходы, мокрые стены, люди у продухов, верёвки, метки, старые доски, жизнь, которая слишком много лет держалась без разрешения.

— Слишком плотная жилая зона для разлома класса С,

— сказала она.

Матрёна стояла сбоку.

— Мы тоже не выбирали, где беде быть удобнее.

Элиана повернулась к ней.

— Вы представитель Нижних?

— Я Матрёна.

— Это не должность.

— Зато люди знают, кого звать.

— В условиях класса С самоуправные сигналы должны быть приведены к утверждённому порядку.

Матрёна посмотрела на неё спокойно.

— Утверждённый порядок знает, где у нас третий продух дышит обратно после второго ритма?

Элиана не ответила сразу.

Лаврентий вмешался мягко:

— Нижний сигнал спас несколько постов от самовольного закрытия. Его нельзя отменять без замены.

— Я не отменяю, — сказала Элиана. — Я проверю.

Вот это было главное.

Она не принимала.

Но и не отрицала вслепую.

Опасная.

Умная.

Сложная.

В большом зале гильдии карты уже были разложены.

Элиана подошла к ним без спешки.

Сначала смотрела не глазами, а магией.

Я это почувствовал странно: будто воздух над картой стал чуть ровнее. Линии, нарисованные Мишкой, не изменились, но тень от них стала аккуратнее.

Один из её помощников поставил на стол плоскую серебряную рамку.

Не ту большую херцогскую из футляра.

Малую.

Диагностическую.

Элиана сняла перчатку с правой руки.

На пальцах блеснули кольца.

Три линии света вышли из них и легли на рамку: горизонталь, вертикаль, диагональ. Потом линии соединились в треугольник, треугольник — в тонкую сетку.

В воздухе запахло сухим камнем после грозы.

Магия порядка.

Красивая.

Очень красивая.

Даже Лиска замолчала.

Сетка легла над картой Слепого резервуара и Дальнего хода. Первый ритм проявился сразу — серебряной пульсацией. Чёткой, ровной, почти прекрасной.

Элиана слегка кивнула.

— Резервуарный контур подтверждён.

Дарен стоял у края стола.

— Второй ритм ниже.

— Я вижу смущение.

— Это не шум.

— Я не закончила измерение.

Дарен сказал тихо, но твёрдо:

— А он не ждёт, пока вы закончите.

Её взгляд резко перешёл на него.

Дарен выдержал.

Не уверенно.

Но выдержал.

Элиана посмотрела обратно на сетку.

Через задержку внизу действительно дрогнула вторая линия.

Не так, как в Мишкиной карте.

У Элианы она выглядела как нарушение геометрии. Как ошибка.

У нас — как ответ.

Разница была не в данных.

В языке.

— Повторное смещение, — сказала она.

— Второй ритм, — сказал Дарен.

— Термины имеют значение.

— Да.

— Тогда не называйте реакцию ритмом без полной фазы.

Дарен побледнел, но ответил:

— Не называйте ритм смещением, если он приходит после паузы сам.

Сенька едва слышно сказал:

— Наш мальчик вырос и теперь спорит с аристократией звуком.

Элиана подняла руку.

Сетка стала плотнее.

Сила сразу шагнул вперёд.

— Осторожно.

— Я усиливаю фиксацию для измерения.

— Жёсткая фиксация может стать ударом.

Элиана посмотрела на него.

— Мягкие знаки не удерживают класс С.

Сила ответил спокойно:

— Иногда жёсткие знаки просто ломают то, что ещё можно было вести.

— Вы духовный?

— Да.

— Чей аттестат?

— Духовной канцелярии.

— Тогда вы знаете, что первичная фиксация при классе С обязательна.

— Я знаю, что обязательное тоже может быть неправильным, если стоит не там.

Элиана сжала пальцы.

Сетка дрогнула.

И в этот момент я увидел наклон.

Не весь.

Только на миг.

Если она поставит полный круг сейчас — верхний резервуарный ритм станет ровнее. Красиво. Убедительно. Писари это полюбят.

Но Дальний ход получит давление сбоку.

Второй ритм ответит сильнее.

Пахомова подпорка удержит.

Нижний просвет удержит.

А кривая печь даст холодный обратный вздох в Яму.

Не катастрофу.

Пока.

Но удар.

Красивый, геометрически правильный удар.

— Не ставьте полный круг до карты двойного ритма, — сказал я.

Элиана медленно повернулась.

— Вы запрещаете мне работать?

— Нет. Я пытаюсь не дать вашей работе стать ударом.

— Вы говорите с магом порядка третьего круга.

— А вы стоите над Ямой, которая не знает ваших кругов.

Тишина в зале стала такой, что даже кольца на её пальцах казались громкими.

Пахом смотрел с интересом.

Нестер — с надеждой, что сейчас меня наконец поставят на место.

Серяков — с голодом писаря, который уже видит фразу “неповиновение херцогскому магу”.

Ратников — с пером наготове.

Лиска — с тем выражением, которое у неё бывало, когда рука уже знала путь к ножу, но голова ещё разрешала не начинать.

Элиана ничего не сказала несколько секунд.

Потом посмотрела на сетку.

И я увидел, что она тоже заметила.

Не всё.

Но часть.

В нижнем углу её красивой геометрии появилась тонкая помеха. Не шум. Не ошибка. Маленькое смещение, совпадающее с тем, что я сказал.

Она опустила руку.

Сетка стала слабее.

— Я отложу полный круг на один цикл.

Горн сказал:

— Один цикл может спасти нам больше, чем один круг.

Элиана взглянула на него.

— Я сказала — отложу. Не откажусь.

— Достаточно.

— Пока.

— Мы любим это слово, — сказал Сенька.

— Заметно, — ответила Элиана.

Он замер.

— Она ответила.

Лиска сказала:

— Не радуйся. Это не дружба, это предупреждение.

Пока помощники Элианы фиксировали данные, она подошла к карте Мишки.

— Эта карта должна быть приведена к единому масштабу.

Мишка сразу ответил:

— Тогда Яма исчезнет.

— Она не исчезнет. Она станет пропорциональной.

— Если люди первыми чувствуют ритм, они не могут быть маленькими на аварийной карте.

Элиана посмотрела на него.

— Карта не выражает жалость.

— Моя выражает порядок опасности.

— Это не картографический стандарт.

— Тогда стандарт опоздал.

Я вмешался:

— Его карта уже несколько раз опередила метки.

— Я читала доклад.

— Тогда почему спрашиваете как будто нет?

Элиана повернулась ко мне.

— Потому что доклад не заменяет проверку. И потому что люди, которых слишком часто хвалят за нестандартность, начинают считать дисциплину врагом.

Лиска сказала:

— А люди, которых слишком часто учили дисциплине, начинают считать живых помехой.

Вот оно.

Первый настоящий удар словом.

Элиана посмотрела на Лиску.

— Вы всегда говорите, не ожидая разрешения?

— Нет. Иногда ещё до того, как его успеют запретить.

Сенька закрыл лицо рукой.

— Я счастлив. Мне страшно, но я счастлив.

Элиана не повысила голос.

— В зоне класса С дерзость может стоить жизни.

Лиска шагнула ближе.

— В Нижних жизнь часто стоит дешевле дерзости. Мы выживали как могли.

Матрёна сказала:

— Достаточно.

Лиска замолчала.

Элиана заметила, что Лиска послушалась Матрёну, а не приказ.

И тоже запомнила.

Умная.

Слишком много замечает.

Тимон Арвель сообщил, что по приказу требуется первичный осмотр нижнего контура.

Элиана кивнула.

— Я хочу видеть нижний контур.

Матрёна сказала:

— Тогда придётся спуститься.

— Я умею ходить.

Лиска тихо сказала:

— Посмотрим, умеете ли наступать.

Элиана услышала.

— Что вы имеете в виду?

Лиска улыбнулась.

— В Яме важно не просто ходить. Там надо знать, куда не ставить чистую уверенность.

Элиана снова не ответила сразу.

Потом сказала:

— Вы пойдёте со мной.

Лиска моргнула.

— Что?

— Вы, представитель Нижних, мастер Горн, Лютов, отец Лаврентий, техник Дарен, картограф и духовный Сила. Я хо-

чу видеть, как работает ваша “живая” система.

— Картограф? — переспросил Мишка.

— Вы.

— Я не люблю, когда меня так называют.

— Привыкайте. Если карта работает, у неё есть должность.

Мишка посмотрел на меня.

Я пожал плечом.

— Бывает хуже.

— Бывает “ребёнок, отдай карту”, — сказал он.

— Вот именно.

Сенька поднял руку.

— А я?

Элиана посмотрела на него.

— Вы кто?

Он выпрямился.

— Ход слуха, гаситель распространений, нештатное явление.

— Вы останетесь наверху и проследите, чтобы слух не спустился раньше нас.

Сенька открыл рот.

Закрыл.

Потом сказал:

— Это... разумно. Я оскорблён признанием моей функции.

Ратников тихо произнёс:

— Запишем.

Пахом вмешался:

— Мой представитель должен присутствовать при осмотре Пахомовой зоны.

Элиана посмотрела на него.

— Еремей?

Пахом замер.

Он хотел сказать “Нестер”.

Все это поняли.

Элиана тоже.

— В докладе указан Еремей как наблюдатель, чьё свидетельство подтверждено.

Пахом улыбнулся без радости.

— Значит, вы читали доклад внимательно.

— Иначе зачем приезжать?

Нестер выглядел так, будто его исключили из собственной интриги официальным языком.

Еремей кивнул.

— Я буду у места.

— Хорошо, — сказала Элиана.

И этим одним словом сделала Еремея ещё тяжелее для Пахома.

Перед спуском в Яму Сенька успел принести новые слухи.

— Люди говорят, что у леди сапоги режут грязь.

Элиана посмотрела на него.

— Это важно?

— Для людей, которые всю жизнь в грязи, да.

Она замолчала.

Сенька добавил уже серьёзнее:

— Ещё говорят, что вы пришли запечатать Яму.

— Я пришла стабилизировать разлом.

— Работа без объяснения сама становится театром. Только плохим.

Элиана долго смотрела на него.

Потом повернулась к Тимону:

— Подготовить короткое сообщение: осмотр нижнего контура не является началом запечатывания или эвакуации. Посты сохраняются.

Тимон записал.

Сенька посмотрел на Лиску.

— Она учится опасно быстро.

Лиска ответила:

— Умные аристократки хуже глупых. Глупую можно обойти. Умную приходится терпеть.

— А если она полезная?

— Тогда ещё хуже.

Мы вышли к спуску.

Элиана остановилась на верхней ступени.

Ниже была Яма.

Живая.

Мокрая.

Нервная.

Дежурные у продухов смотрели наверх.

Дети выглядывали из дверей.

Матрёна пошла первой.

Не кланялась.

Не представляла.

Просто шла как человек, который знает: если кто-то хочет увидеть Яму, пусть идёт за тем, кто в ней остаётся.

Элиана шагнула следом.

Грязь под её сапогом снова попыталась вспомнить форму.

Но на третьей ступени старая вода из трещины пересекла линию её магии и всё равно брызнула на край плаща.

Лиска увидела.

Не сказала.

Это было почти милосердие.

Сенька, оставшийся наверху, всё равно крикнул:

— Первый контакт с реальностью прошёл успешно!

Лиска закрыла глаза.

Элиана не обернулась.

Но я заметил: её рука чуть сжалась.

Хорошо.

Пусть злится.

Злость иногда лучше высокомерия.

Леди Элиана не испугалась Ямы.

Это было видно.

Но она ещё не понимала главного:

Яма не требовала страха.

Она требовала, чтобы перед ней перестали быть уверенными слишком рано.

Глава 7. Магия порядка

Магия порядка любит чистые линии.

Прямой угол.

Ровный круг.

Замкнутую печать.

Исправленную форму.

Яма же всю жизнь держалась на другом:

кривой доске, позднем предупреждении, чужой руке на продухе и праве сказать “признак” раньше, чем сверху успеют спросить разрешение.

Леди Элиана спускалась в Яму без страха.

Это было видно по походке.

Не быстро.

Не осторожно.

Ровно.

Так ходят люди, привыкшие, что пространство должно уступать не потому, что они сильнее, а потому, что они правильно стоят.

Первые ступени действительно подчинились.

Грязь под её сапогами собиралась в аккуратные края. Вода не брызгала, а отступала тонкой дугой. Даже мелкий сор, лежавший на камне, будто пытался вспомнить, что у него тоже есть место.

Но Яма не была лестницей герцогского дома.

На третьем пролёте старая трещина пустила воду поперёк ступени.

Не много.

Просто достаточно, чтобы магия порядка на миг встрети-лась с тем, что не знало хороших манер.

Капля попала на край плаща Элианы.

Лиска увидела.

Не сказала.

Это был почти подвиг.

Сенька, оставшийся наверху, крикнул:

— Первый контакт с реальностью прошёл успешно!

Лиска закрыла глаза.

— Я его потом сама утоплю.

Элиана не обернулась.

Но рука в перчатке сжалась.

Макар заметил.

И я тоже.

Хорошо.

Пусть злится.

Злость — живая реакция. С ней можно работать.

Хуже, когда человек входит в Яму и ничего в нём не ме-няется.

Матрёна шла впереди.

Не как проводник для благородной гостыи.

Как хозяйка места, которое не принадлежало ей по бума-ге, но держалось на её голосе.

Элиана смотрела вокруг.

Узкие проходы.

Мокрые стены.

Низкие крыши.

Кривые печи.

Дети, которых быстро убирали с дороги, но не прятали.

Старики на лавках.

Метки на полу.

Пепельные чашки.

Продуки.

Дежурные.

Верёвки на стенах.

Карта признаков, закреплённая у нижней бараки.

Здесь всё было неправильным с точки зрения чистой схемы.

И всё же работало.

Элиана это заметила.

Я видел.

Она не сказала.

Пока.

У первого продуха стоял дежурный.

Молодой мужчина с усталыми глазами и руками, которые уже научились не трогать без команды.

Матрёна остановилась.

— Доклад.

Дежурный выпрямился.

Не перед Элианой.

Перед порядком, который сам же держал.

— Продух открыт. Метка ровная. Пепел без обратной тяги. Второй ритм здесь не чувствуется. Признаков нет.

Элиана посмотрела на него внимательнее.

— Кто обучал?

Матрёна ответила:

— Страх. Потом карта. Потом мы.

— Необычный порядок обучения.

— Зато запоминается.

Элиана подошла к продуху.

Дежурный хотел отступить, но Матрёна сказала:

— Стоять.

Он остался.

Элиана сняла перчатку с правой руки.

На её пальцах тонко звякнули кольца. Она провела двумя пальцами над краем продуха, не касаясь.

Воздух изменился.

Не похолодал.

Не потеплел.

Стал ровнее.

Пепел в чашке вытянулся в тонкую линию. Не потому что потянуло, а будто кто-то объяснил каждой частице, где ей надлежит лежать.

Над продухом возник маленький знак: три пересекающиеся линии, заключённые в почти невидимый светлый контур.

Магия была красивая.

И эта красота не была пустой.

Первый ритм проявился сразу.

Серебряная дрожь прошла по знаку, отразилась в воздухе и вернулась к краю продуха.

Элиана сказала:

— Верхний контур подтверждён. Обратной тяги нет.

Дарен, который стоял рядом со слуховой трубкой, кивнул.

— Так.

Она посмотрела на него.

— Вы подтверждаете?

— Да.

— Хорошо.

Он выдержал паузу.

— Но второй ритм здесь не проявился.

— Значит, его здесь нет.

Дарен чуть поморщился.

— Или ваш знак слишком ровный.

Элиана медленно повернулась.

— Объясните.

Дарен приложил трубку к камню у продуха.

Послушал.

Потом положил пепельную нитку чуть левее её знака.

Пепел едва заметно дрогнул.

Не в линии Элианы.

В стороне.

— Он ушёл боком.

— Я устранила шум, — сказала Элиана.

— Нет. Вы дали ему красивое место, чтобы спрятаться.

Сеньки не было рядом, и хорошо.

Он бы сейчас произнёс что-нибудь счастливое и вредное.

Элиана не ответила сразу.

Это снова было хорошо.

Глупый маг обиделся бы.

Она — проверила.

Сила подошёл к продукту и поставил рядом свой мягкий знак.

Он был почти некрасивым.

Если знак Элианы выглядел как мысль, которой выдали линейку, знак Силы напоминал ладонь, поставленную не чтобы остановить, а чтобы направить.

Пепел перестал лежать идеально.

Он снова дрожал.

Но теперь дрожь была видна.

И в этой дрожи проявился слабый второй отзвук.

Элиана смотрела на него очень внимательно.

— Ваш знак допускает нестабильность.

— Он допускает свидетельство, — сказал Сила.

— Нестабильность опасна.

— Скрытая нестабильность опаснее.

Она не отвела глаз.

Сила продолжил:

— Если знак убирает дрожь раньше, чем понял её причину, он лечит тишину, а не рану.

Матрёна тихо сказала:

— Вот.

Элиана услышала.

— Вы согласны?

— Я живу там, где тишина часто означает, что человек боится сказать.

Элиана посмотрела на продух.

Потом на дежурного.

Потом на Матрёну.

— Следующий пост.

Мы пошли дальше.

Не быстро.

Яма не любила быстрых чужих людей.

Лиска шла сбоку от Элианы — не как охрана и не как слуга. Скорее как предупреждение с ножом.

У второго поворота несколько женщин собрались у стены и шептались. Лиска сразу изменила шаг и встала так, чтобы перекрыть проход к старому закрытому продуху.

Элиана заметила.

— Вы всегда мешаете людям идти туда, куда они решили?

— Нет. Только когда они решили страхом, а не головой.

— И вы отличаете?

— У страха ноги быстрее.

Одна из женщин сказала:

— Мы только спросить хотели...

Лиска повернулась:

— Спрашивать сюда. Трогать — никуда.

Матрёна добавила:

— Запечатывания нет. Осмотр идёт. Продухи не закрывать.

Женщины закивали.

Не спокойно.

Но правильно.

Элиана смотрела.

— Вы называете это маршрутом страха?

— Это Лаврентий так называет, — сказала Лиска. — Я называю это: люди сейчас сделают глупость, если не встать раньше.

— Грубо.

— Зато успевает.

Элиана не возразила.

И снова — заметила.

У нижней бараки Мишка развернул живую карту Ямы.

Не полную карту города.

Именно Ямы.

На ней продухи были крупнее домов.

Кривая печь — крупнее улицы.

Метки — ярче стен.

Слуховые точки — красными короткими штрихами.

Места, где страх менял направление, были отмечены ма-

ленькими кривыми значками.

Элиана смотрела на карту так, будто ей предлагали прочитать хорошо написанную ересь.

— Она нарушает пропорции.

Мишка ответил сразу:

— Нет. Она меняет важность.

— Пропорция и есть основа точности.

— Не в аварии. Если маленькое место первым убивает, оно должно быть большим.

Элиана взяла карту за край.

Мишка напрягся, но не отдёргнул.

— Вы сознательно увеличили нижние посты?

— Да.

— Почему?

— Потому что если их сделать маленькими, люди сверху решат, что их можно убрать.

Матрёна посмотрела на Мишку так, будто он сказал не детскую фразу, а закон.

Элиана молчала.

Потом сказала:

— Это не географическая карта.

— Нет.

— Это карта реагирования.

Мишка подумал.

— Можно так.

Ратников, которого с нами не было, наверняка почувство-

вал где-то в гильдии, что родилась хорошая формулировка,
и пожалел, что не записал.

Элиана вернула карту.

Аккуратно.

Это тоже было важно.

Не забрала.

Не приказала привести к виду.

Вернула.

У старого продуха возле кривой печи магия порядка показала себя сильнее.

Элиана поставила малый жёсткий знак.

Не полный круг.

Только диагностическую фиксацию.

Первый ритм стал ровнее почти сразу.

Холод у края печи уменьшился.

Женщина, сидевшая рядом с ребёнком, выдохнула.

— Легче.

Элиана слышала.

И на мгновение её лицо смягчилось.

Почти незаметно.

Но я увидел.

Лиска тоже.

Ребёнок держал руки у печи — худые пальцы, красные от холода, осторожные, как у детей, которые рано поняли, что тепла на всех не хватает.

Элиана посмотрела на эти руки чуть дольше, чем нужно.

Потом вернулась к знаку.

Трещина под полом ответила первым ритмом.

Ровно.

Красиво.

И через паузу второй ритм не пришёл здесь.

Он пришёл в соседнем доме.

Сначала слабый стук по доске.

Потом голос:

— Матрёна!

Матрёна уже шла.

Дарен приложил трубку к стене.

— Он ушёл в соседний под.

Элиана повернулась.

— Невозможно. Фиксация локальная.

— Вот именно, — сказал я.

Она посмотрела на меня.

Я показал на пол.

— Вы исправили здесь. Второй ритм не исчез. Он обошёл форму.

Матрёна вернулась из соседнего дома.

— Пол отвечает не здесь. Соседний.

Эти слова были как удар молотком по красивой серебряной линии.

Элиана сняла знак.

Не резко.

С контролем.

Сила поставил мягкий.

Дарен слушал.

Второй ритм ослаб.

Ребёнок у печи снова выдохнул, но теперь женщина держала его ближе.

Элиана стояла неподвижно.

Впервые за всё время она выглядела не надменной.

Злой — да.

Но не на нас.

На то, что реальность не подчинилась достаточно честно её силе.

Я сказал:

— Красивая магия не обязана быть глупой. И ваша не была.

Она посмотрела резко.

— Это должно меня утешить?

— Нет. Это должно сказать, что мы не спорим с вашей силой. Мы спорим с тем, где она заканчивается.

— Ошибка не становится лучше от того, что она живая,
— сказала Элиана.

Я посмотрел на соседний дом, где Матрёна уже ставила человека у пола.

— Но живая ошибка хотя бы кричит, когда её давят.
Мёртвая — ломается молча.

Элиана молчала.

Не потому что согласилась.

Пока нет.

Но потому что фраза попала туда, где её нельзя было сразу отбросить без проверки.

Она снова посмотрела на старый продух, на снятый знак, на пепел, который теперь дрожал честнее, на ребёнка у печи, на соседний пол, который ответил вместо этого.

— Ваши нижние признаки должны быть включены в схему проверки, — сказала она наконец.

Матрёна стояла у двери соседнего дома.

— Они не “должны быть включены”. Они уже были. Вы просто дошли.

Сеньки рядом не было, и это, наверное, спасло момент от лишней радости.

Элиана приняла удар спокойно.

Слишком спокойно.

Но я видел, что она его запомнила.

Она вообще запоминала опасно хорошо.

Лиска тоже это видела.

И ей это не нравилось.

Мы двинулись дальше по Яме.

Теперь Элиана уже не шла так, будто пространство должно было выпрямиться заранее. Она всё ещё держалась ровно, но взгляд изменился.

Раньше она смотрела на Яму как на неправильную схему.

Теперь — как на схему, которая почему-то работала.

Это был маленький сдвиг.

Но в нашем деле маленький сдвиг иногда значил больше, чем большая речь.

У третьего продуха дежурный доложил:

— Метка ровная. Второй ритм чувствуется через два пола ниже. Признак слабый. Не стоп.

Элиана остановилась.

— Через два пола ниже?

Дарен кивнул.

— Да.

— Почему не здесь?

Он посмотрел на меня.

Потом на карту Мишки.

— Потому что здесь ход не принимает. Он передаёт.

Элиана посмотрела на карту.

Мишка быстро показал ей кривую линию.

— Вот. Здесь нельзя делать полным.

— Почему?

— Потому что тогда ритм пойдёт искать край.

— У вас нет подтверждения.

— Есть соседний пол.

Она посмотрела на него.

— Вы всегда спорите с магами?

Мишка пожал плечами.

— Только когда они спорят с картой.

Лиска тихо сказала:

— Хороший мальчик.

Элиана услышала.

Но опять не ответила.

Вместо этого она присела у продуха, не заботясь о том, что край плаща снова коснулся мокрого пола.

Это заметили все.

Даже те, кто делал вид, что не заметил.

Она поставила пальцы над меткой и не стала выпрямлять пепел.

Просто держала руку рядом.

Серебряная линия на её кольце дрогнула.

Второй ритм едва слышно прошёл ниже.

Не ушёл боком.

Не спрятался.

Не усилился.

Просто прошёл.

Элиана медленно выдохнула.

— Значит, не полный контур.

Сила сказал:

— Пока.

Она посмотрела на него.

— Вы слишком любите это слово.

— Оно спасает от гордости.

— Или от решения.

— Иногда решение, принятое слишком рано, просто красиво оформленная ошибка.

Элиана поднялась.

— Если круг будет нужен, я его поставлю.

Я сказал:

— Тогда мы должны знать, где он не должен быть полным.

Она повернулась ко мне.

— Вы хотите оставить разрыв в круге порядка?

— Я хочу оставить дыхание там, где круг может стать удавкой.

Элиана долго смотрела на меня.

В её взгляде не было симпатии.

Но в нём уже не было и прежнего простого презрения.

Это было что-то хуже для нас обоих.

Внимание.

— Один цикл, — сказала она. — Я изучу вашу карту двойного ритма, нижние признаки и точки бокового уха. Потом решу форму первичного круга.

Горн кивнул.

— Один цикл.

Матрёна добавила:

— И Яма говорит, если пол отвечает не там.

Элиана посмотрела на неё.

— Да.

Матрёна не улыбнулась.

— Вот теперь это похоже на работу.

Когда мы поднялись обратно к гильдии, сапоги Элианы уже не были чистыми.

Не грязными, нет.

Магия порядка всё ещё держала форму вокруг её шагов.
Но тонкая полоска ямской глины осталась по краю правого сапога.

И она её не убрала.

Лиска увидела.

Я тоже.

Сенька, конечно, тоже.

Он открыл рот.

Лиска сказала:

— Нет.

— Я ещё ничего не сказал.

— Уже видно было.

— Это несправедливое применение маршрута страха.

Элиана остановилась у верхнего пролёта и посмотрела
вниз.

На Яму.

На продухи.

На людей у меток.

На Матрёну.

На Мишку с картой.

На Дарена со слуховой трубкой.

На Силу, который держал свой мягкий знак так, будто держал не магию, а возможность не ошибиться.

— Здесь больше порядка, чем выглядит, — сказала она.

Лиска посмотрела на её сапог.

— А у вас больше грязи, чем утром.

Тимон Арвель едва заметно вздрогнул.

Нестер, если бы был рядом, наверное, умер бы от радости.

Но Элиана не вспыхнула.

Она опустила взгляд на сапог.

Увидела глину.

Не стёрла.

— Значит, осмотр был не бесполезен, — сказала она.

Лиска прищурилась.

— Это была шутка?

— Нет.

— Жаль. Почти получилось.

Элиана пошла дальше.

Не быстрее.

Не мягче.

Но уже не совсем так, как спускалась.

Магия порядка вошла в Яму чистой.

Вышла — не грязной.

Нет.

Просто впервые отмеченной местом, которое не захотело стать прямой линией только потому, что его красиво попросили.

Глава 8. Чистый круг

Чистый круг — мечта любого мага порядка.

В нём нет углов, которые спорят.

Нет щелей, которые дышат.

Нет кривых мест, где беда может спрятаться.

Проблема была в том, что Рудогорск держался именно на таких местах.

Утром Элиана разложила свою схему в большом зале гильдии.

Не карту.

Схему.

Это было сразу видно.

Карта Мишки жила: в ней были метки, продухи, люди, страхи, слухи, паузы, грязь, ошибки, поправки, Еремеев знак, Пахомова подпорка, Яма, которая на бумаге была больше, чем положено по масштабу, потому что в жизни она первой чувствовала холод.

Схема Элианы была другой.

Серебряные линии.

Точные углы.

Чистые узлы.

Ровные окружности.

Мерные кристаллы лежали в точках так аккуратно, будто даже свет обязан был проходить через них с разрешения.

Она стояла над схемой в стальном плаще, с убранными волосами и лицом человека, который провёл ночь не в сомнениях, а в расчётах.

Это тоже было силой.

Не всякая сила кричит.

Некоторая просто не позволяет себе устать раньше задачи.

Горн стоял напротив.

Лаврентий — сбоку.

Сила смотрел на линии без одобрения, но и без презрения.

Дарен держал слуховой журнал.

Мишка — свою карту двойного ритма.

Лиска прислонилась к стене у двери и выглядела так, будто если круг поведёт себя плохо, она начнёт с ближайшего мага.

Сенька был рядом с окнами — официально чтобы следить за слухами, неофициально чтобы не пропустить, как аристократия поссорится с грязью.

Матрёна пришла из Ямы.

Не одна.

С двумя дежурными.

— Чтобы потом никто не сказал, что пол говорил тихо, — объяснила она.

Элиана слышала.

Не возразила.

Это уже было ново.

— Я не отказываюсь от круга, — сказала она. — Я изменяю его форму.

Я посмотрел на схему.

— Значит, он уже не чистый.

Она подняла глаза.

— Чистота формы не означает отсутствие поправок.

Лиска тихо сказала:

— У богатых даже отступление звучит как победа.

Элиана повернулась к ней.

— У опытных людей поправка не считается поражением.

— Тогда у нас тут все опытные. Мы всю жизнь поправляем то, что сверху считали готовым.

Сенька прикрыл рот ладонью.

— Началось раньше, чем я надеялся.

Горн не дал спору разрастись.

— Форма.

Элиана положила пальцы на край схемы.

Серебряная линия вспыхнула тонко, без лишнего света.

— Первичный чистый круг должен стабилизировать верхний резервуарный ритм, удержать боковое смещение у Дальнего хода и не допустить расширения нижнего просвета. Полный круг предпочтителен. Но с учётом ваших данных я оставляю три зоны ослабления.

Мишка сразу поднял голову.

— Не ослабления.

— Что?

— Если вы назовёте их ослаблением, потом кто-нибудь решит усилить.

Элиана посмотрела на него.

Он выдержал.

Не дерзко.

Упрямо.

— Как назвать?

Мишка посмотрел на карту.

— Дыхательные места.

Серяков, который стоял сбоку и уже писал, поморщился.

— Это не термин.

Ратников, появившийся как всегда вовремя, сказал:

— Пока.

Сенька прошептал:

— Самое страшное слово для канцелярии.

Элиана задумалась.

— Дыхательные разрывы.

Сила кивнул.

— Лучше.

— Они не являются разрывами защиты, — уточнила она.

— Это управляемые участки фазового пропуска.

Матрёна посмотрела на Ратникова.

— Переведи.

Ратников ответил:

— Место, где круг не душит сразу.

— Пиши так для Ямы.

Элиана слегка сжала губы.

Но промолчала.

Сила подошёл к схеме.

— Полный круг держит то, что внутри. Но если внутри есть дыхание, он может стать горлом.

— Разлом нельзя оставить с открытым краем, — сказала Элиана.

— Иногда открытый край — это не слабость, — сказал я.

— Это выход для давления.

— Давление должно быть направлено.

— Да. Но не задушено.

Дарен разложил свои записи.

— Если закрыть на первом ритме, второй придёт в стену.

Элиана повернулась к нему.

— Что значит “в стену”?

— Значит, он не уйдёт вниз. Он пойдёт туда, где тоньше.

Горн посмотрел на карту.

— В Яму?

Дарен кивнул.

— Или к Пахомовой подпорке. Где раньше сдаст.

Пахом, стоявший в стороне, сразу вмешался:

— Моя складская зона должна быть защищена полностью.

Конечно.

Если в комнате есть слово “защищена”, Пахом обязательно спрашивает, нельзя ли положить его себе в сундук.

Матрёна повернулась к нему.

— Полностью — это как вчера ваша заплата?

— Мои склады тоже часть города, — сказал Пахом.

— Тогда пусть дышат с городом, а не за счёт него.

Пахом посмотрел на Элиану.

Он надеялся на неё.

Не как на спасителя.

Как на более красивую власть, которая поймёт собственность лучше, чем Яма.

Элиана не дала ему этого сразу.

— Складская зона входит в аварийный контур. Её защита не может усиливать нижний риск.

Пахом замолчал.

Не сдался.

Просто понял, что леди не так удобна, как хотелось.

Нестер тихо сказал:

— Но если ущерб будет нанесён складам...

Элиана даже не посмотрела на него.

— Ущерб от разлома отличается от ущерба от неправильной защиты. Я здесь, чтобы избежать второго.

Лиска шепнула:

— Красиво режет.

Сенька ответил:

— Не влюбляйся в чужой нож.

— Я в ножи не влюбляюсь. Я их проверяю.

Мишка подошёл к схеме и положил рядом свою карту.

Не сверху.

Рядом.

Потом указал на три места:

— Здесь круг должен слушать, не держать. Кривая печь.

Пахомова подпорка. Ю-3А и Дальний ход.

Элиана сказала:

— Круг не слушает. Круг задаёт форму.

Мишка посмотрел на неё очень серьёзно.

— Тогда пусть там будет не круг.

Тишина.

Фраза была детская только по голосу.

По смыслу — нет.

Элиана посмотрела на карту.

На свою схему.

На место, где линия должна была быть идеальной, но теперь рядом с ней лежала живая поправка мальчика.

— Там будет фазовый пропуск, — сказала она.

— Дыхательное место, — сказал Мишка.

— В рабочем тексте — фазовый пропуск. Для Ямы можете говорить как хотите.

Матрёна сказала:

— Будем говорить так, чтобы люди поняли раньше смерти.

Сенька тихо добавил:

— Нижняя школа перевода.

Главный спор начался не из-за формы.

Из-за стопа.

Матрёна спросила прямо:

— Если Яма почувствует второй ритм не там, кто остановит круг?

Элиана ответила без паузы:

— Маг, который его ведёт.

— А если маг не почувствует пол?

Воздух стал плотнее.

Это был не упрёк.

Это был вопрос, который нельзя было обойти красиво.

Серяков сразу сказал:

— Жители не могут останавливать херцогский магический круг.

Лаврентий повернулся к нему.

— Приказ не отменял нижний признак.

— Но магический круг класса С...

Сила перебил спокойно:

— Круг, который нельзя остановить признаком, уже удар.

Элиана молчала.

Все смотрели на неё.

Это была важная пауза.

Не потому что она не знала ответ.

Потому что знала слишком много ответов, и большинство из них были неправильными для Ямы.

Наконец она сказала:

— Один нижний стоп не останавливает круг.

Матрёна сразу напряглась.

Элиана подняла руку.

— Один независимый признак — замедляет фазу. Два независимых признака — останавливают закрытие. Если нижний признак подтверждён меткой, слуховой точкой или опорой — круг не замыкается.

Матрёна смотрела на неё долго.

— Значит, если пол и метка говорят вместе, вы слушаете.

— Да.

Лиска сказала:

— Запишите. Пока она благородная и честная.

Элиана повернулась к ней.

— Я всегда честная.

— Тогда запишите быстрее. Честность тоже устаёт.

Ратников уже писал.

Очень крупно.

Право нижнего признака при ведении чистого круга: один признак — замедление фазы; два независимых признака — запрет замыкания до проверки.

Матрёна прочитала.

— Понятно.

— Для Ямы? — спросил Ратников.

— Для Ямы: если пол и метка говорят вместе, круг ждёт.

— Запишу отдельно.

Элиана смотрела на это с выражением человека, который впервые видит, как магический протокол переводят на язык

мокрого пола и не делают его глупее.

Потом началась подготовка.

Не спешная.

Слишком многое могло стать ударом.

Круг должен был лечь не в Яме, а на границе верхнего и нижнего контуров — на площадке у старой часовой линии, где сходились данные от Слепого резервуара, Ю-3А, Дальнего хода и нижних продухов.

Серебряные нити закрепили на камне.

Мерные кристаллы поставили в семь точек.

Три — по верхнему ритму.

Две — по нижнему.

Одна — у Пахомовой зоны.

Одна — на дыхательном месте Дальнего хода.

Сила поставил мягкий знак снаружи круга.

Не внутри.

— Почему? — спросила Элиана.

— Чтобы не спорить с вашим кругом. Только показать, если он начнёт давить.

— Вы мне не доверяете.

— Нет.

— Честно.

— Да.

Она кивнула.

— Хорошо.

Дарен занял слуховую точку.

Мишка — у карты.

Матрёна — у нижней связи с Ямой.

Гвоздь — у опорного клина, который держал старую часовенную площадку.

Пахом прислал людей к складской границе, но Еремей поставил их там, где они могли видеть, а не трогать.

Нестер попытался приблизиться к рабочей карте.

Лиска встала перед ним.

— Туда нельзя.

— Я представитель владельца.

— А я препятствие.

— На каком основании?

— На том, что ты ищешь, куда положить чужой долг.

Нестер хотел позвать Пахома.

Пахом сделал вид, что не видит.

Умный хозяин не спорит с препятствием, если оно пока полезно.

Элиана встала в центр.

Не круга.

Рядом с его ведущей точкой.

Это было важно.

Она не вошла внутрь.

— Начинаю первичное ведение, — сказала она.

Горн ответил:

— Посты?

Дарен:

— Слух готов.

Мишка:

— Карта готова.

Матрёна:

— Яма слышит.

Сила:

— Мягкий знак готов.

Гвоздь:

— Опора держит.

Еремей от Пахомовой подпорки прислал через мальчишку:

— Пепел правильный. Руки стоят.

Сенька, стоявший у лестницы и следивший за людьми, сказал:

— Слух пока стоит, но смотрит.

— Что значит? — спросила Элиана.

— Значит, если что-то блеснёт красиво, через пять минут город будет знать, что всех спасли или всех прокляли. Желательно блеснуть осторожно.

— Постараюсь не работать для слуха.

— Он всё равно будет смотреть.

Элиана подняла руки.

Кольца на пальцах зазвенели.

Сначала тихо.

Потом звук стал не громче, а точнее.

Серебряные нити на камне поднялись на волосок над по-

верхностью. Кристаллы загорелись внутренним светом. Воздух вокруг круга стал ясным, будто кто-то вымыл его от старой сырости.

Первый ритм пришёл почти сразу.

Резервуарный.

Глухой.

Тяжёлый.

Круг принял его красиво.

Слишком красиво.

Линия легла по камню, выровнялась, прошла через верхние точки и замкнула почти полную дугу.

В Яме люди почувствовали облегчение.

Матрёна получила сообщение:

— У кривой печи легче. Не стоп.

Дарен сказал:

— Первый держит.

Горн кивнул.

— Продолжать.

Элиана вела круг дальше.

Я смотрел через Контур наклона и видел: это работало.

И именно поэтому было опасно.

Плохая магия пугает сразу.

Хорошая магия сначала помогает, и человек начинает ей верить раньше, чем узнает, какую цену она попросит через паузу.

Серебряная линия подошла к первому дыхательному ме-

сту.

У кривой печи.

Элиана замедлила.

Не остановила.

Замедлила.

Она держала обещание.

Мишка прошептал:

— Здесь слушать.

Дарен приложил трубку.

— Чисто. Второго нет.

Матрёна:

— Яма не чувствует.

Элиана прошла дальше.

Круг стал почти полным.

Пахомова зона отозвалась ровно.

Еремей передал:

— Пепел дрогнул, но правильно.

Гвоздь сказал:

— Опора не просит.

Сила молчал.

Это было хорошо.

Потом пришла пауза.

Та самая.

Между первым ритмом и вторым.

В этой паузе все в городе как будто перестали быть людьми и стали слухом.

Дарен поднял руку.

— Второй идёт.

Элиана не остановилась.

Но замедлила.

Серебряная линия подошла к зоне Ю-3А и Дальнего хода.

Мишка резко наклонился к карте.

— Он ниже.

Дарен:

— Да. Но идёт к стене.

— К какой? — спросил Горн.

Дарен побледнел.

— К кругу.

Сила поднял руку.

Мягкий знак дрогнул.

Не треснул.

Дрогнул.

Гвоздь сказал:

— Опора просит.

Матрёна получила сигнал снизу.

— Третий дом. Пол отвечает не по месту.

Элиана стояла в центре ведения.

Лицо стало белее.

Но руки не дрогнули.

Дарен сказал громче:

— Второй идёт в бок.

Мишка почти крикнул:

— Круг не должен закрываться здесь!

Серяков сразу вмешался:

— Прерывание магического процесса на этой фазе может исказить стабилизацию.

Лиска повернулась к нему так быстро, что он отступил на полшага.

— Слышите? Или у вас круг громче людей?

Элиана услышала.

Конечно услышала.

Вопрос был не Серякову.

Ей.

Матрёна подняла руку.

— Нижний признак. Замедлить.

Дарен:

— Подтверждаю слухом. Второй в бок.

Гвоздь:

— Опора просит.

Сила:

— Мягкий знак давит.

Два признака.

Три.

Четыре.

Протокол, только что записанный, стал реальностью быстрее, чем успел высохнуть чернилами.

Элиана закрыла глаза на одно мгновение.

Не от слабости.

От выбора.

Потом резко развела пальцы.

Серебряная линия круга не замкнулась.

Она разошлась.

Не порвалась.

Не исчезла.

Она оставила просвет.

Узкий.

Некрасивый.

Неправильный.

Дыхательный.

Второй ритм ударил в край круга, но не нашёл стены.

Он прошёл через разрыв, потерял силу, ушёл вниз по линии Дальнего хода и вернулся слабым отзвуком.

В Яме кто-то крикнул.

Не от ужаса.

От неожиданности.

Матрёна прислушалась к сообщению.

— Третий дом отпустило. Не стоп. Признак снят.

Дарен выдохнул так, будто до этого дышал за весь город.

— Второй прошёл.

Сила опустил руку.

— Теперь он не давит. Он ведёт.

Элиана смотрела на незамкнутую линию.

На свой круг.

На чужой разрыв внутри своей магии.

— Он не должен быть таким, — сказала она.

Я ответил:

— Но город должен.

Она повернула голову.

Не сердито.

Не мягко.

Усталость впервые пробилась сквозь форму.

— Вы понимаете, что это нарушение школьного круга?

— Да.

— Понимаете, что в отчёте это будет выглядеть как неполная стабилизация?

— Если люди живы, пусть выглядит как хочет.

Лаврентий подошёл ближе.

— Это надо записать.

Элиана резко сказала:

— Как ошибку?

— Как способ, который не стал ударом.

Тишина после этих слов была хорошей.

Рабочей.

Круг продолжал светиться.

Но теперь в нём было дыхательное место.

Серебряная линия не замыкала Рудогорск в идею. Она держала его как руку держат больного: не сжимая горло.

Элиана провела вторую фазу осторожнее.

С учётом паузы.

С учётом нижнего признака.

С учётом того, что Мишкина карта была не красива, но права.

Круг стабилизировал верхний ритм.

Дальний ход перестал давать резкий боковой ответ.

Пахомова подпорка удержалась.

Кривая печь осталась тёплой.

Ю-3А не побелела.

Яма дала три сообщения подряд:

— Продухи открыты.

— Метки ровные.

— Люди стоят.

Последнее было важнее первых двух.

После завершения Элиана опустила руки.

Серебряные линии остались на камне слабым светом.

Не постоянным.

Временным.

Первичный круг.

Нечистый.

Рабочий.

Тимон Арвель подошёл с протоколом.

Он выглядел так, будто страдал от формы сильнее, чем город от ритма.

— В отчёте это будет выглядеть как отклонение от протокола.

Элиана стояла к нему спиной.

— В отчёте это будет выглядеть как удержание разлома.

Лиска тихо сказала:

— О, она умеет кусаться словами.

Сенька, появившийся рядом с лестницей, добавил:

— Учится у плохой компании.

Элиана услышала.

— Не переоценивайте своё влияние.

Лиска улыбнулась.

— Ещё рано.

И вот это, почему-то, почти разрядило воздух.

Почти.

Матрёна подошла к кругу, но не переступила линию.

— Он теперь будет стоять?

Элиана ответила:

— Один цикл точно. Дальше — по ритму.

— Значит, дежурства остаются.

— Да.

— Продухи не закрывать.

— Да.

— Если пол отвечает не там, говорим.

— Да.

Матрёна кивнула.

— Видите? У нас победа — это когда после неё надо просто снова стоять.

Элиана посмотрела на неё.

— У магов тоже.

— Не похоже.

— Потому что нас учат выглядеть так, будто победа должна быть красивой.

Матрёна хмыкнула.

— Зря.

Это было почти дружелюбие.

Очень нижнее.

Суровое.

Но настоящее.

Пахом подошёл к своей стороне схемы.

— Складская зона стабильна?

Дарен посмотрел журнал.

— Да. Пока.

Пахом кивнул.

— Значит, круг полезен.

Матрёна сразу сказала:

— Полезен, потому что не закрылся за ваш склад.

Пахом посмотрел на неё.

— Вы всё сводите к Яме.

— Нет. Я всё возвращаю к тем, кому хуже всего, когда наверху ошибаются.

Еремей, стоявший у входа, сказал:

— Пепел стоял.

Пахом повернулся.

— Что?

— Пепел у подпорки стоял. Когда круг не закрылся.

Элиана слышала.

— Значит, дыхательный разрыв подтвердился и там.

Мишка уже рисовал.

Он нанёс круг на карту.

Но не ровным.

С разрывом.

Потом подписал:

Чистый круг с дыханием.

Элиана подошла.

— Это неточно.

— Это для карты.

— В техническом протоколе: “разомкнутая стабилизационная форма с фазовым пропуском”.

Мишка подумал.

— Слишком длинно.

— Для тебя — “круг с дыханием”.

— Хорошо.

Он написал рядом мелко:

фазовый пропуск.

Элиана заметила.

Ничего не сказала.

Но это было первое место, где их два языка легли рядом на одну карту.

Позже Ратников составил запись:

При первичном ведении чистого круга выявлена опасность бокового ухода второго ритма при полном замыкании. По нижнему признаку, слуховому под-

тверждению, опорному чувству и мягкому знаку произведено замедление фазы. Круг не замкнут полностью; оставлен дыхательный разрыв в зоне Дальнего хода. Результат: верхний ритм стабилизирован, второй ритм не усилен, Яма без ухудшения, Пахомова подпорка стабильна.

Серяков предложил заменить “дыхательный разрыв” на “незавершённый участок”.

Ратников ответил:

— Незавершённый участок звучит как недоделка. А он работал.

— Но форма не полная.

Элиана, неожиданно для всех, сказала:

— Форма достаточная.

Серяков замолчал.

Не потому что согласился.

Потому что теперь против него была не только Яма, но и маг порядка третьего круга.

Это нравилось Лиске.

И раздражало её одновременно.

Я видел.

Она смотрела на Элиану так, будто та украла право быть неприятно полезной.

Вечером Яма получила короткое объяснение:

Круг поставлен. Не полный. С дыхательным местом. Продухи открыты. Посты остаются. Если пол

отвечает не там — говорить. Победы нет. Работа продолжается.

Нюра прочитала и сказала:

— Хорошо. “Победы нет” — людям понятнее.

Сенька возмутился:

— Как это понятнее?

— Потому что после настоящей победы богатые приходят с речами. А если работы больше — значит, правда.

Люди в Яме не праздновали.

Они проверили печи.

Проверили метки.

Поставили воду детям.

Поругались у третьего продуха.

Записали слабое дрожание пола.

И снова встали на посты.

Элиана смотрела на это с верхней площадки.

Не свысока.

Не совсем.

По крайней мере, уже не так, как вчера.

— Они не радуются, — сказала она.

Я стоял рядом.

— У нас радость обычно приходит после сна.

— А сон?

— После следующего стабильного цикла.

Она посмотрела на круг.

На его разрыв.

На слабый серебряный свет.

— В моей школе это назвали бы нарушением формы.

— А здесь?

— Здесь...

Она замолчала.

Потом сказала:

— Здесь это удержало.

— Да.

— Не делайте из этого победу над моей магией, Лютов.

— Не собирался.

— Делали.

— Немного.

Она посмотрела на меня.

Впервые в её взгляде было не только раздражение.

Ещё усталое понимание, что мир не обязан быть удобным даже для тех, кто умеет приказывать линиям.

— Я не против вашей магии, — сказал я. — Я против того, чтобы она не слушала.

— Магия порядка слушает закон.

— Разлом — нет.

— Значит, его надо научить.

— Или сначала научиться, как он не ломает нас в ответ.

Она не ответила.

Но осталась стоять.

Смотрела на Яму.

На круг.

На разрыв.

На Мишку, который дорисовывал линию.

На Лиску, которая говорила с дежурным у лестницы.

На Силу, который поправлял мягкий знак.

На Гвоздя, который проверял опору после магии, потому что даже красивый свет не отменяет сырой подкладки.

— Ваш город ужасно неаккуратен, — сказала Элиана.

— Да.

— И упрям.

— Да.

— И слишком живой для нормального круга.

— Вот это уже похоже на диагностику.

Она почти улыбнулась.

Не совсем.

Но почти.

И тут пришёл второй ритм.

Слабый.

Дальний.

Круг с дыханием дрогнул.

Не треснул.

Не сжал.

Не ударил.

Просто пропустил.

Серебряная линия на разрыве на миг стала светлее, потом успокоилась.

Дарен снизу крикнул:

— Прошёл ровно!

Матрёна добавила из Ямы:

— Пол не отвечает боком!

Сенька крикнул:

— Слух тоже пока приличен!

Лиска сказала:

— Это ненадолго.

Элиана смотрела на круг.

На разрыв.

На место, где её чистая магия впервые не стала полной — и именно поэтому не стала бедой.

— Запишите, — сказала она Тимону Арвелю. — Разомкнутая форма удержала второй ритм без нижнего ухудшения.

Тимон осторожно спросил:

— С указанием отклонения от стандартного круга?

— С указанием причины.

— Какой?

Она посмотрела на Яму.

— Место требовало дыхания.

Тимон записал.

Лаврентий тихо сказал:

— Хорошая формулировка.

Элиана ответила:

— Не привыкайте.

Сенька прошептал:

— Поздно. Я уже привык к надежде, и она мне не идёт.
Лиска посмотрела на Элиану.

Потом на меня.

Потом снова на Элиану.

И я понял: следующая беда может прийти не из разлома.

А из того, что люди начали видеть друг друга слишком
внимательно.

Чистый круг не получился чистым.

Он получил разрыв.

Дыхание.

Грязную поправку Ямы.

И именно поэтому удержал.

Впервые магия порядка не заставила место стать правиль-
ным.

Она позволила правильному стать немного живым.

Глава 9. Лиска и леди

После чистого круга Яма молчала.

Это было плохое молчание.

Хорошее молчание бывает после дождя, когда с крыши ещё капает, земля парит, люди выходят на крыльцо и проверяют, не унесло ли курицу. Плохое — когда печь треснула, но пока не развалилась. Когда лошадь после падения лежит слишком тихо. Когда человек, получивший удар ножом, вдруг перестаёт ругаться.

Яма молчала именно так.

Не спокойно.

А с усилием.

Круг держался.

Если это вообще можно было назвать кругом.

С точки зрения хорошего мага порядка, он был испорчен.

С точки зрения Ямы — наконец-то перестал быть идиотом.

В нём остался разрыв.

Не ошибка.

Дыхание.

Чистая линия, которую Элиана пыталась замкнуть, теперь лежала в земле светлым следом, но не давила на всё сразу. В одном месте она была разомкнута, словно кто-то оставил щель в слишком плотно закрытой двери.

Именно эта щель нас и спасла.

Я смотрел на неё и чувствовал, как в голове ещё дёргается Контур. Не болью уже. Отголоском. Как после сильного удара по железу — сам молот давно опустили, а металл всё ещё помнит.

[Фоновая стабильность: 62%]

[Локальный контур: удержание]

[Второй отклик: сохраняется]

Вот это последнее мне не нравилось.

Второй отклик.

Он был где-то глубже. Не в круге. Не в земле под ногами. Ниже. Или шире. С разломами вообще всегда было плохо с человеческими словами. Они не уважали нашу привычку раскладывать мир по полкам.

Я вытер кровь с губы тыльной стороной ладони.

Свою или чужую — уже не важно.

После таких дней кровь становилась просто ещё одной жидкостью в системе. Неприятной, тёплой, требующей учёта.

Элиана стояла у края круга.

Прямая.

Бледная.

Слишком спокойная для человека, который только что почти прижал живое место правильной формой.

Но в этом и была вся Элиана.

Некоторые люди держат лицо, пока им удобно.

Аристократов хорошего воспитания учили держать лицо,

пока не сломается позвоночник.

У неё не дрожали руки.

Хотя я видел, что должны были.

Магия порядка ушла из неё не вся. Тонкие светлые нити ещё держались у пальцев, на манжетах, у висков. Они не сияли — скорее, подчеркивали её. Как чертёжные линии под рукой мастера, который ещё не признал, что деталь придётся переделывать.

Элиане было двадцать один. Может, двадцать два.

В таком возрасте нормальные люди ещё иногда имеют право быть глупыми.

Она, похоже, такого права себе не давала.

Третий круг.

Почти переход.

Сильный маг порядка.

Красота, воспитанная дисциплиной. Голос, приученный не просить, а формулировать. Спина, которой с детства объяснили: если согнёшься — за тобой согнётся весь род.

Я бы, наверное, уважал это больше, если бы у меня меньше болела голова.

Матрёна сидела на перевёрнутом ящике и смотрела на разрыв в круге так, будто это был не магический контур, а тесто, которое наконец перестало лезть из кадки.

— Живой, — сказала она.

Сила стоял рядом, прислушиваясь к земле.

— Не живой, — возразил он. — Пока не умерший.

— Для Ямы это почти праздник.

Сенька тихо фыркнул, но сразу прикусил язык, потому что на него посмотрела Элиана.

Не зло.

Просто посмотрела.

Сенька, который мог спорить с пьяным мясником, дразнить дозорного и влезть в чужой двор за слухом, почему-то выпрямился.

Вот что меня в аристократах всегда раздражало.

Они могли ничего не делать.

А люди всё равно начинали вспоминать, что у них грязные рукава.

Гвоздь стоял чуть в стороне, у старой подпорки, которую мы вбили ещё до круга. Молчал. Смотрел не на Элиану, не на Лиску, не на меня.

На землю.

У Гвоздя вообще было редкое умение смотреть на землю так, будто она ему что-то задолжала и вот-вот начнёт отдавать.

Элиана повернулась ко мне.

— Круг удержал.

Голос ровный.

Не торжествующий.

Не виноватый.

Протокольный.

Так говорят: давление стабилизировано, линия отключе-

на, пострадавшие учтены.

Я кивнул.

— Удержал.

Она чуть заметно наклонила голову.

— Значит, корректирующее вмешательство оказалось допустимым.

Матрёна фыркнула.

— Допустимым.

Это слово она произнесла так, будто попробовала его на зуб и нашла внутри камень.

Элиана посмотрела на неё.

— У вас есть другое определение?

— Есть. Не убило.

— Это не определение.

— Зато проверяется быстро.

Дарен тихо кашлянул в кулак. Он всё ещё держался сбоку, как человек, который привык не стоять там, куда смотрят сильные. Умный человек. На таких, как правило, падает меньше камней.

Элиана не ответила Матрёне сразу. Она смотрела на разрыв в круге.

В её взгляде не было растерянности.

Это было хуже.

Она уже пыталась понять, как включить ошибку в систему.

Вот за это магов порядка и уважали.

И боялись.

Обычный человек, столкнувшись с живой неправильно-
стью, ругается, плюёт, крестится, пьёт, зовёт соседей или де-
лает вид, что так и было.

Маг порядка измеряет её.

Потом называет.

Потом записывает.

Потом строит для неё клетку.

— Вмешательство нижних признаков, — сказала Элиана,
— следует рассматривать как локальный стабилизирующий
фактор. Но только в условиях уже существующего бытового
резонанса.

Лиска, которая до этого молчала слишком долго, подняла
голову.

Я понял, что сейчас будет плохо.

Не по Контур.

По лицу.

У Лиски было такое лицо, с которым люди в бедных квар-
талах либо дерутся, либо говорят правду. Иногда одновре-
менно.

Она стояла рядом с Мишкой. Волосы выбились из косы,
на щеке грязная полоса, рукав порван. Никакой красоты в
аристократическом смысле.

Живая.

Острая.

Неудобная.

Таких девушек не пишут на портретах в залах. Их замечают, когда они уже успели украсть у тебя нож или сказать то, что все остальные только подумали.

— А людей вы куда внесёте? — спросила она.

Элиана повернула к ней голову.

— Что?

— В схему, — сказала Лиска. — Людей. Тех, кто побежал бы первым, если бы ваш красивый круг ударил не туда.

Сенька втянул воздух и почти спрятался за Мишкино плечо.

Мишка уткнулся в свою карту, как будто карта могла спрятать его от будущего.

Матрёна не улыбнулась.

Но глаза у неё потеплели.

Элиана смотрела на Лиску спокойно. Слишком спокойно.

— Люди учитываются в зоне риска.

— Удобно, — сказала Лиска. — Сразу не люди, а зона.

— Это точнее.

— Для кого?

— Для тех, кто хочет их спасти, а не просто пожалеть.

Первый удар был за Элианой.

Лиска моргнула.

Не потому что испугалась.

Потому что хотела ударить в ответ сразу и сильнее, а это всегда опасно. Даже уличный бой учит: первый злой удар часто попадает не туда.

Я сделал шаг.

— Лиска...

Она даже не посмотрела на меня.

Плохой знак.

— Красиво вы круг рисуете, леди, — сказала она. — Сразу видно: вас учили не там, где крыша на голову падает.

Элиана чуть опустила взгляд на её грязные сапоги.

Не презрительно.

Хуже.

Оцениваяюще.

— Крыши падают не от места обучения, — сказала она.

— Они падают от плохих опор, сырости и людей, которые годами называют халатность привычкой.

Лиска улыбнулась.

Улыбка была тонкая.

Как лезвие, которым уже резали.

— У нас привычкой называют то, что позволяет дожить до утра.

— Тогда неудивительно, что утро у вас каждый раз начинается с новой беды.

Тишина стала плотнее.

Даже Яма, кажется, прислушалась.

Я невольно подумал, что если бы слова оставляли след в Контуре, сейчас между ними уже светилась бы трещина.

Лиска шагнула ближе.

Элиана не двинулась.

Это тоже был удар.

Лиска была уличная. Она привыкла, что пространство берут телом: подошёл ближе — заставил другого отступить, моргнуть, поднять руки, показать страх.

Элиана выросла в мире, где пространство принадлежит тому, кто имеет право стоять.

И она стояла.

— Вы на нас смотрите, будто мы грязь на сапогах, — сказала Лиска.

Элиана ответила не сразу.

Она вообще не торопилась.

Люди, которые торопятся в споре, часто хотят победить.

Элиана хотела быть точной.

Это было неприятнее.

— Грязь я не презираю, — сказала она. — Она естественна. Я презираю тех, кто оправдывает ею воровство, ложь и трусость.

Сенька тихо сказал:

— Ох ты ж...

И тут же прижал ладонь ко рту.

Был прав.

Лиска побледнела.

Не вся.

Только вокруг рта.

— Трусость?

— Да.

— Вы сейчас про кого?

— Про тех, кто прячется за бедностью, когда нарушает закон.

— Закон, — повторила Лиска. — Это тот, который запрещает нам брать хворост в херцогском лесу, пока у нас дети мёрзнут?

— Закон, — сказала Элиана, — это то, что не даёт каждому голодному человеку стать ножом у чужого горла.

Лиска резко рассмеялась.

Смех вышел некрасивый.

Правдивый.

— Слышали? — спросила она у нас всех. — Очень благородно. Голодный человек у неё сразу нож.

— Не сразу, — сказала Элиана. — Но часто. Если его с детства учат, что нужда отменяет границу.

Лиска открыла рот.

И закрыла.

Потому что это была сильная фраза.

Ненавистная.

Но сильная.

Макар Лютов, прежний Макар, мог бы на такую фразу ударить.

Нынешний я слишком хорошо понимал обе стороны.

На заводе тоже были правила.

Некоторые казались тупыми. Некоторые мешали работать. Некоторые писали люди, которые никогда не стояли но-

чью у дрожащей линии, когда мороз, пар и начальство по телефону одновременно.

Но стоило дать каждому право решать, какие правила сегодня необязательны, — и через неделю кто-нибудь лежал бы под листом в цехе.

Порядок спасает.

Порядок давит.

Обе эти вещи были правдой.

И как обычно, правда не собиралась спрашивать, удобно ли нам жить между ними.

— Лиска, — сказал я тихо.

Она повернулась ко мне.

В глазах у неё было не только злость.

Вот это было хуже.

Там была боль.

И ещё что-то острое, колючее, почти стыдное.

Она видела, что я слушаю Элиану.

Не соглашаюсь.

Не люблюсь.

Просто слушаю.

Но для Лиски иногда и это было слишком много.

Она быстро посмотрела на Элиану.

На её лицо.

На прямую спину.

На чистую линию подбородка.

На руки мага, которые даже после тяжёлой работы не вы-

глядели так, будто ими таскали чужие вёдра, били окна, хватали людей за ворот и вырывали картошку из мёрзлой земли.

Аристократическая красота — плохая вещь.

Не потому что красивая.

А потому что выглядит как доказательство, что мир где-то всё-таки умеет быть аккуратным.

И тем сильнее злит тех, кому досталась его помойная сторона.

— Смотрите-ка, — сказала Лиска. — Леди сказала умное слово, и все сразу стали тише.

— Лиска, — повторил я.

Она вскинула подбородок.

— Что? Я тоже учусь порядку. Сначала молчать, потом кланяться?

Элиана посмотрела на неё.

— Начните с первого. Второе пока не требуется.

Сенька закашлялся так, будто подавился собственной душой.

Дарен отвернулся.

Сила закрыл глаза.

Матрёна сказала:

— Хорошо приложила.

— Кого? — спросил Мишка, не поднимая головы от карты.

— Обоих, — ответила Матрёна.

Лиска покраснела.

Элиана — нет.

Она вообще имела неприятную привычку не краснеть там, где другой человек уже начал бы дымиться.

— Вам смешно? — спросила Лиска.

— Нет, — сказала Элиана. — Мне грустно.

— От нас?

— От потерь, которые люди называют характером.

Эта фраза была тихой.

И ударила неожиданно глубоко.

Лиска замерла.

Я тоже.

Потому что Элиана впервые сказала не как протокол.

А как человек.

Совсем немного.

Но сказала.

Лиска это почувствовала и оттого разозлилась ещё сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.